

18+

Мария Эмви

Ксѣтя: дѣчь пѣсѣя

Книга 3

Мария Эмви

Кейта: Дочь Леса. Книга 3

<https://litres.ru/74149627>

ISBN 9785007003100

Аннотация

Заключительная книга трилогии расскажет о дальнейшем развитии ситуации, сложившейся между тремя мирами, после возвращения Кейты и Инсина в шаманское племя. Какое будущее ждет Средний мир и на какие жертвы придется идти главным героям, чтобы сохранить баланс и раз и навсегда избавить мир от вторжения зла?

Содержание

Глава 1. Обещание	5
Глава 2. Дом, милый дом	26
Глава 3. Родственные души	50
Глава 4. Лагерь беженцев	71
Глава 5. Заблудившиеся в темноте	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Кейта: Дочь Леса

Книга 3

Мария Эмви

© Мария Эмви, 2026

ISBN 978-5-0070-0310-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-0503-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Обещание

Вышедшая из-за туч луна небрежно проскользнула по заиндевевшим крышам яранг клана Синего Нарвала. У почти прогоревшего центрального костра царило все такое же напряженное молчание. Никто даже не думал спать. Жители дальнего севера и их гости, вышедшие из яранги вождя, сидели, закутанные в тяжелые шкуры, и каждый был погружен в эхо минувших событий.

Торвальд сидел неподвижно, его взгляд был устремлен в самое сердце пламени, но видел он не пляшущие языки огня, а лицо друга, обратившегося в свет и пепел. Годы ожидания завершились прощанием, которого он даже не смог увидеть. На обветренном, изрезанном морщинами лице застыла скорбная маска. Рядом с Торвальдом, плечом к плечу, сидели Кейта и Инсин. Девушка тоже смотрела на огонь, в ее синих глазах контрастно отражались отблески пламени. Она перебирала в уме все, что узнала, что пережила, пытаюсь сложить из осколков хаоса целостную картину, а главное, план дальнейших действий. Степной воин сидел рядом, как молчаливая и надежная опора, его взгляд был прикован к самой девушке, словно Инсин боялся, что если отвлечется хоть на миг, Кейта снова исчезнет. Чуть поодаль, мирно дремал Саян. Юноша умудрился заснуть сидя, сложив руки на груди, убаюканный теплом оленьих шкур и сдавший-

ся под гнетом проведенных без сна ночей. Единственная то и дело мельтешащая фигурка периодически подбрасывала в костер мелкие щепки, нарушая тишину своими порывистыми движениями. Привычная задорная маска Лины скрывала грусть — эти странные южане, ворвавшиеся в ее размеренную жизнь, словно полярная буря, скоро уйдут.

— Идан сделал свой выбор, — наконец произнес Торвальд после долгих внутренних копаний. Вождь обращался не столько к гостям племени, сколько к самому себе, принимая свершившееся. — Он всегда был таким, никогда не выбирал легкий путь. Мой друг выбрал честь и покой, которого был лишен на сотни лет.

Кейта медленно подняла на Торвальда глаза. Девушка протянула руку и осторожно коснулась его могучего предплечья.

— Торвальд-тойон, Идан подарил нам бесценный шанс, и мы не имеем никакого права им не воспользоваться. Мы не подведем великого шамана, клянусь.

Вождь медленно кивнул, словно принимая эту клятву.

— Сейчас нам пора возвращаться, — продолжила девушка, переводя взгляд на Инсина. — Вождь вернулся, но наш айыл ослаблен, а народ напуган. К тому же, Эрлик явно не планирует сидеть без дела. Мы должны готовиться к настоящей войне.

— Кейта права, — поддержал ее степной воин. — Мы не можем задерживаться. Кто знает, что еще выкинет мой

брат... или мой отец.

— Значит, все? Южный цирк сворачивает свой шатер и уезжает? — спросила Лина, стараясь, чтобы ее голос звучал так же бодро, как обычно, но в нем проскальзывали нотки разочарования.

— Мы должны, Лина, — сказала Кейта, в этот момент особенно остро ощутив тоску по родному дому. — Шаманское племя в опасности, не время отсиживаться. Как только мы избавимся ото всех проблем, обязательно ждите в гости!

— Конечно, я все понимаю, — вздохнула ведомая, решительно кивнув. — Прикажу собрать для вас лучшие припасы. И с вами пойдут Йорви и Юки, хотя бы до границы леса. Лишние луки в наше время роскошью не будут. Но это все с рассветом, сейчас вам всем нужен хороший отдых. Одного вон уже довели, что он уснул, словно олень в стойле.

Лина с улыбкой посмотрела на покачивающегося на месте, спящего Саяна.

— Не думал, что в этом лесном колдуне окажется столько силы, — без иронии произнес Инсин, но все же получил от Кейты локтем под ребро.

— Нечего и сомневаться в моем друге было! — буркнула девушка, после чего с заботой посмотрела на шамана. — Саян заслужил отдыха больше, чем мы все вместе взятые.

— Отведу его в гостевую ярангу, — решив «исправиться» и немного позаботиться о дорогом для удаганки человеке, произнес Инсин, поднимаясь с места. — Лина, выделишь

для Кейты место?

— А что, степной принц, ваша Яса не позволяет заглянуть в жилище девушки? — хихикнув, ответила ведающая, но столкнувшись с серьезным взглядом Инсина, лишь отмахнулась. — Да конечно выделю, лесной человек у меня в яранге себе такое гнездо свил из шкур, любой дятел обзавидует-ся.

— Это он умеет, — рассмеялась Кейта, тоже поднимаясь на ноги. Девушки молча наблюдали за тем, как Инсин пытается поднять крепкого Саяна, который что-то сонно бормотал, но просыпаться даже и не думал. Перекинув его руку себе за плечо и подхватив юношу, степной воин обернулся на лесную шаманку.

— Увидимся на рассвете, — с легкой улыбкой произнес он, встретившись с такой же теплой эмоцией на лице Кейты.

— Доброй ночи, Инсиним.

Так они и разошлись по сторонам, под невнятное бормотание Саяна и елейное улюлюканье Лины, которой очень уж по душе пришлось услышанное в адрес степного воина обращение. А на утро, едва снежный покров заблестел под первыми лучами холодного солнца, все уже были в сборе у яранги вождя. Торвальд смотрел на троих южан и командующую на заднем плане Лину, его суровое лицо было непроницаемо, но в глубине глаз читалась невысказанная тяжесть прощания.

— Прежде чем вы уйдете, — сказал вождь, обращаясь ко

всем, но глядя в первую очередь на Кейту, — вы должны кое-что понять. Тьма, которую Эрлик впустил в наш мир, теперь имеет собственную волю. Хан Хулан, его старший сын и прочие марионетки Владыки Нижнего Мира, которые подвернутся ему под руку — это чума. А чуму нужно выжигать огнем. Не ждите от них ни чести, ни милосердия.

— Мы ко всему готовы, — понимая, что тот имеет в виду, твердо ответила Кейта.

— Нет, не готовы, — так же твердо возразил Торвальд. — Вы сильны духом, но вас слишком мало. Шаманское племя не сможет противостоять бесчисленному войску Эрлика. Вам нужны союзники, все, кого вы только сможете найти. Наступает время, когда стоит объединиться даже с былыми врагами. Возможно, и в орде найдутся люди, готовые противостоять злу. Не под тамгой леса или степи, а под общим знаменем жизни против смерти.

Договорившись о чем-то с Йорви и Юки, Лина подошла к остальным. Она смерила всех теплым взглядом, после чего спешно затараторила, словно декларировала заранее подготовленную речь.

— Ну что, лесной человек, смотри не растеряй по дороге все свои амулеты, — сказала ведомая, легонько толкая Саяна в плечо. — А то вчера мы все имели возможность убедиться, как быстро ты умеешь засыпать, хоть сидя, хоть стоя. И не забудь, ты мне должен реванш в «Хнефатафл»!

— Никогда в эту ерунду больше играть не буду, — закатив

глаза, произнес Саян, но прозвучало это вовсе не ворчливо и отстраненно. — Разве что, только если будет возможность изменить правила.

Улыбнувшись тому в ответ, Лина поспешила обратиться к следующему на очереди.

— А ты, степной принц, постарайся больше не замерзать в сугробах. Я, конечно, ценю возможность потренировать свои целительские навыки, но у хотун, я так понимаю, и без этого забот хватает.

И, наконец, ведающая подошла к Кейте. Лина достала из-за пазухи маленький, вырезанный из бивня нарвала амулет в виде полярной совы с крошечными аметистовыми глазками.

— Мой первый амулет. Торвальд подарил, когда у меня первый раз было видение, — сказала она тихо. — Чтобы я не заблудилась в чужих грезах. Теперь он твой. Чтобы ты там, в своих лесах, не забывала, что и на севере у тебя есть глаза и уши. И подруга, которая всегда выслушает.

Кейта с благодарностью сжала в ладони гладкий амулет.

— Спасибо, Лина. За все.

Блондинка, казалось, хотела что-то еще сказать, но ее прервал Торвальд. Вождь положил свои огромные руки на плечи Кейты и Инсина.

— Идите, дети, — произнес он. — Идите с миром и несите его на свои земли. Дочь Леса, пусть свет Великой Матери освещает твой путь. Сын Степи, пусть твоя честь будет острее любой стали. Хранитель Очага, да пребудет твоя вер-

ность нерушимым щитом для вас всех.

Прощание было коротким, но емким. Без пустых обещаний встретиться снова — все понимали, что этой встречи может и не быть. Кейта, Инсин и Саян развернулись и пошли к своим нартам. Три маленькие фигуры, готовые начать свой путь обратно на юг. Три маленькие фигуры на фоне бесконечного белого безмолвия, несущие на своих плечах всю тяжесть и хрупкую надежду расколотого мира. Когда они уже почти дошли до нарт, где их ждали Йорви и Юки, готовящие оленей к долгой дороге, а также их кони, белоснежный Арион и конь Арбана, на котором в лагерь прибыла Кейта, позади раздался нарастающий хруст снега.

— Эй! Погодите!

Гости клана Синего Нарвала обернулись. К ним, запыхавшись, подбежала Лина, остановившись перед Саяном.

— Ты... кое-что забыл, — сказала девушка, пытаясь говорить своим обычным, насмешливым тоном, но ее дыхание сбивалось, а щеки покраснелись.

— Что же? — лесной шаман удивленно оглядел свое снаряжение. — Вроде все взял. Даже эти дурацкие камушки для игры.

— Не то, — Лина шмыгнула носом, который тут же покраснел от мороза. — Ты ведь обещал... уже забыл?

— Обещал? Я?

— Не строй из себя дурачка! — ведающая с вызовом посмотрела на Саяна, но ее губы дрожали. — Ты обещал вер-

нуться и принять участие в Великой Гонке! Или ты думал, я забуду? Так вот, спешу сообщить, что мое предложение все еще в силе!

Юноша скептически вскинул бровь, поправляя свою походную сумку, и окидывая взглядом Лину, ее нарочито дерзкую позу и подозрительно блестящие глаза. Он едва было хотел ответить что-то наподобие «я ведь говорил, что никакого желания нет тащиться еще в эту глушь», но что-то его остановило. Возможно то, что сейчас за маской этой колючей и язвительной девчонки он, всего на ничтожное мгновение, успел увидеть маленькую, заботливую северянку, которая изо всех сил старалась помочь, не давала заснуть Саяну, когда ему нужно было удерживать связь со своими друзьями, делилась самыми сокровенными страхами и надеждами... Которая всего за несколько дней успела стать верным и надежным другом. Пока лесной шаман соображал, что же ему ответить, блеск в глазах Лины успел преобразоваться в искрящуюся под светом утреннего солнца слезинку. Саян судорожно вдохнул, подходя к девушке. «Неужели она... действительно так переживает за нас?»

— Постой, — юноша протянул руку и осторожно, кончиком пальца, коснулся ее ресницы, смахивая так и не скатившуюся слезу, которая тут же замерзла на его перчатке крошечной льдинкой. — У тебя что-то в глаз попало.

— Это снег! — тут же огрызнулась Лина, отворачиваясь. — Дурацкий, колючий снег!

Девушка быстро вытерла глаза рукавом малицы.

— Не увиливай от темы, как лосось от невода. Лесной человек, если ты не вернешься, чтобы проиграть мне в гонке, я сама за тобой приду. Найду тебя, даже если спрячешься в самой глубокой норе в своем лесу. Мой Снежок и из-под земли тебя достанет! Понял?

Саян не мог не улыбнуться. Даже в момент прощания Лина оставалась собой.

— Да понял я, понял, — сказал он, голос лесного шамана был на удивление мягким. — Вернусь, северная колючка, куда денусь. И, вообще-то, выиграю в этой вашей гонке. Готовься чистить мне рыбу на тройную порцию ухи.

— Ну да, мечтай, — фыркнула Лина, но тень улыбки коснулась ее лица. А затем, совершенно неожиданно для Саяна, и для самой себя, сделала шаг вперед и быстро и неловко обняла его. Всего на одно мгновение.

— Береги этих героев древнего олонхо, — прошептала она в плечо юноше, имея в виду Кейту и Инсина. — И себя... как-нибудь уж постарайся.

Не дожидаясь ответа, раскрасневшаяся Лина развернулась и быстро, почти бегом, устремилась обратно к лагерю, оставив всю троицу стоять ошеломленной посреди снежной равнины. Но времени на то, чтобы стоять и задумчиво смотреть вслед удаляющейся девушки не было, о чем свидетельствовал и оклик Йорви, уже готового отправляться в путь.

Нарты с легкостью заскользили по уплотненному снегу,

унося их всех все дальше от гостеприимного лагеря, который постепенно превращался в маленькую точку на фоне бескрайней белизны. Некоторое время Кейта, Инсин и Саян ехали в тишине, каждый погруженный в свои мысли. Удаганка укуталась в шкуры и смотрела на Саяна, который сидел напротив и с самым серьезным видом изучал свои перчатки. Эта напускная серьезность лишь повеселила Кейту, и она не могла упустить прекрасный шанс подразнить своего друга.

— А что, — начала девушка самым невинным голосом. — Северяне всегда так провожают своих гостей? С объятиями и слезами?

Саян вздрогнул и поднял на Кейту возмущенный взгляд.

— Да какие еще слезы? — тут же неумело запротестовал он. — Лине снежинка в глаз попала. А у них тут такие снежинки сыпятся, сами знаете, что некоторые и глаз проколоть ненароком могут!

— Конечно, снежинка, — кивнула Кейта с самым серьезным видом, едва сдерживая улыбку. — А что ты там такого наобещать-то успел, что девочка за тобой готова в самую глубокую лесную нору нырять?

— Да какие-то гонки у них тут великие, ну вы слышали, я и сам не особо в курсе, — юноша чувствовал, как от вопроса подруги его щеки начинают гореть, и от этого злился еще больше. — Предложила поучаствовать, ну а мне что, мне не сложно. Для меня любое соревнование, это дело чести!

Удаганка прыснула в кулак.

— Дело чести, значит? А я-то думала, может, дело в том, что «северная колючка» на самом деле не такая уж и колючая? Как минимум, для одного «лесного человека»...

— Кейта, уши оборву! — шутливо замахиваясь, прошипел Саян, краснея уже до самых ушей. Он бросил умоляющий взгляд на степного воина, ища хоть какой-то поддержки. — Ну хоть ты скажи ей!

Инсин, который до этого молча сидел и с улыбкой слушал их перепалку, решил поддержать игривый настрой удаганки.

— Она права, Саян, — сказал юноша с самым серьезным видом, какой только мог изобразить.

— И ты туда же, — простонал шаман, абсолютно теряя веру в этих двоих.

— Это очень подозрительно, — продолжал степной воин, наигранно входя в роль детектива. — Сначала Лина вызывается идти с нами. Потом то и дело подкалывает тебя, во время ритуала всю ночь не отходит ни на шаг. А потом — эти трогательные объятия на прощание. Я вижу во всем этом четко спланированную тактическую операцию по захвату...

— Захвату чего?

— ...сердца одного очень наивного шамана! — Кейта уже не сдерживалась и хохотала в голос, заваливаясь на плечо Инсина, а Саян практически медитативно закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы не сорваться и не сбросить эту парочку с нарт прямиком в снег.

— Сговорились, да? — немного остыв, произнес лесной

шаман. — Это вы слишком уж подозрительные, а Лина — абсолютно нормальная, тем более, для северянки.

— «Нормальная»? — Кейта распахнула глаза, едва ли не хлопая в ладоши от услышанного. — О, ну это уже серьезное признание от тебя, Саян! Кажется, кто-то позабыл на севере не только о своих обещаниях, но и оставил частичку своего большого и доброго сердца.

— Пф, можешь продолжать ерничать дальше, — пряча лицо в ворот своей малицы, буркнул Саян. — Я слишком голоден, чтобы тратить силы на споры с тобой.

Как ни старался юноша выглядеть безучастной и равнодушной скалой, покрасневшие уши, торчавшие из-под капюшона, выдавали его с головой, а смех Кейты продолжал веселым эхом разноситься над заснеженной тундрой. Эта дружеская перепалка была им всем необходима. Она была как глоток теплого отвара в морозный день, смывала остатки страха и напряжения, напоминая им, что, несмотря на всю тьму, что поджидала впереди, они все еще были живы, были вместе и все еще могли искренне смеяться. А значит, еще не все потеряно.

Постепенно смех сменился уютным молчанием, какое бывает только между очень близкими людьми. Нарты плавно скользили вперед, однообразный скрип полозьев по снегу убаюкивал. Кейта сидела, прислонившись к Инсину, и разглядывала окружающий их мир. Пейзаж, еще вчера казавшийся враждебным и безжизненным, теперь выглядел ина-

че. Бескрайние снежные поля, искрящиеся под низким солнцем, были похожи на море из толченых алмазов. Одинокие, скрюченные деревья, цеплявшиеся за мерзлую землю, казались не уродливыми, а упрямыми, полными несгибаемой воли к жизни. А небо, бледно-голубое у горизонта, постепенно темнело, переходя в глубокий индиговый цвет у самого зенита, и на этом фоне даже днем можно было различить самые яркие звезды. Щеки Кейты горели от мороза, при этом она чувствовала себя абсолютно спокойной, окруженная своими близкими людьми. Саян, обиженный, но не сломленный их подколками, отвернулся и делал вид, что спит. Инсин же, как и удаганка, смотрел куда-то вдаль. Ветер трепал его темные волосы, выбившиеся из-под капюшона, а на ресницах блестели крошечные тающие льдинки. Он больше не был похож на того настороженного и замкнутого воина, которого Кейта встретила у Скал Плачущей Верблюдицы. Что-то в нем изменилось. Ушла былая жесткость, уступив место спокойной силе, нашедшей внутри него хрупкое, но прочное равновесие.

Инсин почувствовал взгляд на себе и повернулся к Кейте. Их глаза встретились, и в этой безмолвной встрече было больше, чем во всех словах, что они могли бы сказать. Степной воин чуть заметно улыбнулся, прижимая к себе девушку и указывая вдаль, где на горизонте уже понемногу начала виднеться темная полоса.

— Твой дом, — тихо произнес Инсин, утыкаясь носом в

макушку Кейты. Удаганка вздохнула, узнавая глазами знакомые очертания таежных деревьев. Насколько она соскучилась по своему дому, своему племени и своим людям, настолько же тревожно становилось от одной только мысли, что этот спокойный момент может оказаться последним.

На юге от шаманского племени, там, где лесная влажность уступала место теплым степным ветрам, в долине неподалеку от печально известных Скал Плачущей Верблюдицы, нашел свое временное пристанище клан Белого Сокола. Их лагерь разительно отличался и от основательных яранг на севере, и от бревенчатых балаганов лесного народа, и от мобильных гэров степняков. Это было нечто среднее между ними всеми. Жилища, называемые чумами, были похожи на высокие конические шатры, собранные из длинных гладких жердей и покрытые не войлоком, а тщательно сшитыми шкурами. Они были не такими теплыми, как яранги, но куда более просторными и светлыми внутри, и их можно было быстро разобрать и перевезти на новое место. Весь лагерь был пронизан духом сдержанной воинской скорби. Здесь сейчас не было слышно песен и детского смеха, лишь то и дело где-то проносились тихие деловитые разговоры. В центре лагеря горел большой общий костер, он служил не столько для веселья, сколько для дела: здесь чинили оружие, дубили шку-

ры, готовили нехитрую пищу. Мужчины, высокие, темново-
лосые, с суровыми обветренными лицами, молча ходили по
лагерю, выполняя свою работу. Их движения были точными
и экономными, как у хищных птиц, в честь которых был на-
зван их клан. На плече практически у каждого второго кра-
совалась татуировка в виде пикирующего сокола.

После гибели их лучшего главнокомандующего, Темуд-
жина, и кровавой бойни в улусе степного хана, боевой дух
клана Белого Сокола был надломлен. Они потеряли многих
своих лучших воинов, и теперь в лагере царила атмосфера
растерянности и жажды мести. Когда солнце уже начало кло-
ниться к закату, на границе лагеря послышались знакомые
голоса.

— Эй, встречайте! Дозор вернулся!

Арбан и его молодой напарник Улан въезжали в лагерь,
возвращаясь от шаманов. Они выглядели уставшими, конь,
который нес сразу обоих всадников, тяжело дышал. Юноши
отсутствовали уже несколько суток, и их начали считать про-
павшими без вести. К вернувшимся воинам тут же подбежа-
ли соклановцы.

— Арбан! Улан! Где вас духи носили?! Мы уж думали, на
вас напали абаасы из Топей!

— Хуже, — мрачно ответил Арбан, спешиваясь и переда-
вая поводья одному из воинов. — Мы встретили Кейту-хо-
тун.

При этих словах все вокруг замерли, и к ним начали под-

ходить другие, привлеченные новостью.

— Предводительницу шаманов? — переспросил один из них. — Одну? На территории Скал?

— Сначала одну, — кивнул Арбан. — А потом началась такая лихая заварушка, что и в олонхо не придумаешь.

Воин Западного племени рассказал все, что произошло в шаманском айыле. О нападении войска Бату, о том, как лесные духи восстали на защиту своего дома, как Кейта, одна, своей волей, держала оборону против целой сотни воинов, а потом и вовсе вызвалась сражаться один на один с главнокомандующим степного войска. Все слушали, затаив дыхание. В суровых глазах воинов читалось удивление, смешанное с уважением. Эта лесная девчонка, оказывается, была не просто колдуньей, она была настоящим воином. Таким же отважным, как и их павший в неравном бою Темуджин.

— Бату... Это ведь старший сын Хулан-хана? Значит, шаманы теперь тоже заклятые враги орды, — задумчиво произнес один из старых воинов, когда Арбан закончил.

— Не просто враги, — бодро ответил Улан. — Они единственные, кто осмелился дать им отпор. И кто смог победить в схватке!

Арбан посмотрел на своих соплеменников.

— Наш главнокомандующий, Темуджин, погиб из-за безумия степного хана, пытаюсь спасти свою любовь и сохранить свою честь и достоинство. А Кейта-хотун, рисковала своей жизнью, чтобы защитить свой дом и своих людей от

того же врага. Быть может...

Он не договорил, но все поняли, что воин хотел сказать. У них есть потенциальные союзники, с которыми можно было бы объединиться в противостоянии с общим врагом.

— Довольно разговоров!

Властный и резкий голос заставил всех обернуться. Из самого большого чума в центре лагеря вышел вождь. Это был пожилой, но все еще крепкий мужчина с длинными седыми волосами, заплетенными в одну толстую косу, и лицом, покрытым сетью старых шрамов. Его звали Лучистый Сокол. Он был не таким ярким и харизматичным, как Темуджин, но слово вождя было законом.

Мужчина подошел ко взявшему на себя роль глашатая Арбану.

— Говоришь, лесные люди дали отпор старшему сыну Хулан хана?

— Так точно, тойон.

— И их предводительница бросила ему вызов?

— Именно так.

— И вы... — вождь смерил Арбана, а затем и стоявшего позади него Улана, тяжелым взглядом, — помогли шаманам. Без моего приказа.

— Мы следовали зову чести, тойон, — твердо ответил воин, выдерживая строгий взгляд. — Хотун сражалась с нашим общим врагом. Оставить ее одну было бы предательством памяти Темуджина.

Лучистый Сокол долго молчал, на его лице было невозможно прочесть ни единой эмоции.

— Честь... — наконец произнес он глухим и безразличным голосом, прозвучавшим, словно удар в похоронный бубен. — Темуджин тоже следовал зову чести. И теперь он кормит землю, а наш клан ослаблен донельзя. Мне нет дела до шаманов и их лесных духов. Наша скорбь принадлежит только нам, как и наша месть. Сейчас нужно не союзников искать, а копить силы, неужели я должен это повторять?

Тяжело вздохнув, Лучистый Сокол снова посмотрел на вернувшихся воинов.

— Арбан, Улан, наказание за ваше самовольство — три дня без ужина и неделя в ночном дозоре, начиная с этой ночи. Все остальные, точите мечи и молитесь духу Белого Сокола, чтобы он дал нам сил для битвы, если столкновения не избежать.

Вождь развернулся и, не сказав больше ни слова, ушел обратно в свой чум, оставив своих людей в растерянности и подавленном молчании. Мысль о союзе, едва зародившись в умах воинов, была тут же убита суровой, замкнутой в своем горе волей их предводителя. Арбан и Улан, получив свой несправедливый, как им казалось, выговор, молча разошлись по своим постам. Воины Белого Сокола не собирались нападать на своего врага первыми. Они затаились, как хищная птица, раненная, но не сломленная, выжидающая своего часа под тенью высоких скал. Но семя сомнения, посеян-

ное рассказом Арбана, уже было брошено в умы воинов. Они подчинились воле своего вождя, но теперь знали, что где-то там, в темном лесу, есть еще кто-то, кто не боится сражаться со степной ордой. Этот маленький уголек уважения к отважной дочери верховного шамана, продолжал тлеть в сердцах, ожидая лишь порыва ветра, чтобы разгореться снова.

В Западном племени существовала древняя система преемственности власти, уходящая корнями в самое основание их рода. Во главе клана всегда стоял вождь, носивший священное имя Сокол. Это был громкий титул, мантия, которую один предводитель передавал другому, символизируя непрерывность их истории и духа. Каждый новый вождь, вступая в права, получал к этому имени особое определение, которое отражало его суть, его главную черту или величайшее деяние в его жизни. Эта традиция началась с их самого первого предводителя, легендарного героя, объединившего разрозненные западные племена. Он был так мудр, справедлив и чист душой, что его прозвали Белый Сокол, и это имя в дальнейшем стало названием всего их народа. После него был его сын, Стремительный Сокол, прославившийся своей молниеносной тактикой в битвах. Затем правил Мудрый Сокол, который не выиграл ни одной войны, но заключил такие прочные союзы, что его народ процветал в мире несколько поколений. Был и Железный Сокол, который выковал для своих воинов самые прочные доспехи, и Поющий Сокол, который был не стратегом или воином, а великим сказителем,

сохранившим их историю в песнях.

Имя было и благословением, и проклятием. Оно накладывало на вождя огромную ответственность, ведь следовало соответствовать своему имени и вести свой народ по пути, который оно предопределяло. Нынешнего вождя, старика со шрамами на лице, звали Лучистый Сокол. Но в имени этом была горькая ирония. Он получил это прозвище в молодости, когда его слава, доблесть и харизма сияли так ярко, что затмевали всех вокруг. Он был тем самым солнцем, вокруг которого вращался весь клан. Но годы, войны и потери сделали свое дело, особенно последняя, такая болезненная и ощутимая потеря. Темуджин был не просто его лучшим главнокомандующим, он был его учеником, его надеждой и преемником. Лучистый Сокол видел в нем того, кто однажды мог бы стать Победоносным Соколом или даже Великим Соколом. И гибель юноши погасила последний свет в душе старого вождя. Теперь его лучи не согревали, а выжигали. Вся былая слава, доблесть и харизма теперь были направлены лишь на свершение мести, холодной и всепоглощающей. Лучистый Сокол стал подобен заходящему солнцу, которое на закате окрашивает все в кроваво-красный цвет, прежде чем окончательно погрузиться во тьму.

Именно поэтому вождь не хотел слышать ни о каких союзах. Для него существовала лишь одна, затмеваящая все цель — отомстить врагу за падение великого рода. И Лучистый Сокол был готов сжечь в этом огне и себя, и весь свой

народ, лишь бы достичь ее. Его имя, когда-то бывшее символом надежды, стало символом неотвратимого конца.

Глава 2. Дом, милый дом

Когда небольшой отряд вышел из суровых заснеженных земель и вступил под сень тайги, Кейта почувствовала это всем своим существом. Лес узнал ее, он приветствовал свою дочь. Удаганка слышала его тихий шепот в шелесте хвои, в скрипе старых стволов, в мелодии ветра, запутавшегося в ветвях. Но встречал их не только сам лес.

Дозорные шаманского племени столкнулись с путниками, когда те сделали вынужденную остановку, чтобы разгрузить нарты. Густой снежный покров сошел на нет, а по промерзшей земле сани ехать наотрез отказывались, ровно как и запряженные в них олени, отвлекшиеся на непривычное обилие зелени. Айан и Эрэл не спешили с вопросами, хоть и их накопилось немало — охотники помогли с дальнейшей транспортировкой, и уже совсем скоро все они были перед воротами айыла. К тому времени на центральной поляне собралось практически все племя на ужин, поэтому внезапное явление таких долгожданных лиц вызвало шумный шквал эмоций.

— Кейта! — первой из толпы вылетела Алани, которая, словно пантера, перемахнула через лежащее бревно, служившее скамьей, чтобы сократить дорогу и быстрее добежать до подруги. Названная девушка не смогла сдержать улыбки, когда оказалась в крепких объятиях обычно такой сдержанной

и скромной ученицы бубна. — Ты вернулась...

— Ну куда бы я делась, Алани, — погладив подругу по волосам, бодро ответила Кейта. А потом подняла глаза, и взгляд ее зацепился за статную фигуру, опирающуюся на посох, и не реагирующую так ярко и бурно, как остальные, а выражающую всю свою гордость и уверенность за нее одним лишь выражением лица. Алани к тому времени уже успела переключиться на Саяна, правда ему от девушки достались в основном обвинения в том, что тот так ее и не послушался. Кейта неспешно направилась в сторону отца.

— Ты заставила нас всех поволноваться, кыыс, — произнес Алтан, когда девушка подошла к нему. — Но я был уверен в том, что моя дочь справится с любыми проблемами на своем пути. И вернется, в целости и сохранности.

— Твоя дочь не справилась, а скорее отсрочила проблемы на какое-то время, — опустив глаза, честно ответила Кейта. Несмотря на то, что девушка так долго ждала этой встречи, сейчас ей было даже стыдно смотреть в глаза в отцу. Если он только узнает, что они натворили в Нижнем мире... На ее удивление, со стороны Алтана послышался негромкий, утробный смех, от чего Кейта тут же с непониманием подняла на него взгляд.

— Медвежонок, как же много ты на себя берешь, — потечески похлопав удаганку по голове, с заботой в голосе произнес верховный вождь. — Ты ведь должна понимать, что имеешь дело далеко не с медведем-шатуном, и даже не с

болотным абаасы. Отец Нижнего мира мудр и хитер, даже я ему не ровня, хоть и знаю его слабые стороны. Не переживай ни за что, со всем разберемся. Особенно теперь, когда мы снова все вместе.

Кейта поджала губы, неуверенно улыбнувшись. Слова отца внушали ей уверенность — действительно, чего это она раскисла? Да вместе с отцом, вместе с ее людьми, и, конечно, вместе с ее Инсином, они будут такой непомерной силой, что ни Эрлик, ни его марионетки и шагу в их сторону сделать не смогут! Наблюдавшие за воссоединением отца и дочери, верховного вождя и юной предводительницы племени, постепенно перевели свой взгляд на юношу, который все это время лишь молча стоял, потупив взгляд в землю. Инсин все еще чувствовал себя здесь чужим, да и сами шаманы не знали, как реагировать на степняка, который уже давно стал для них союзником, хоть и все еще оставался сыном хана Хулана и кровным братом Бату, чье нападение на племя до сих пор было живо в памяти. По толпе пробежался неловкий шепот, но тут вперед вышел охотник Каскил, направившись прямо к степному воину. Суровый дозорный протянул Инсину свою мозолистую, покрытую шрамами руку и крепко пожал.

— С возвращением, дружище, — с дружелюбным оскалом произнес Каскил. Это простое приветствие заметно расслабило степного воина, напряженные плечи тут же опустились, и Инсин ответил дозорному вежливым кивком. Но по спине вновь пробежали мурашки, когда юноша ощутил на

себе взгляд вождя племени. Больше всего сейчас пугала перспектива опростоволоситься перед лицом отца своей возлюбленной. Как минимум, невежливо уже было то, что он все еще стоял в стороне, а не выразил почтение верховному вождю. Инсин тут же спешно зашагал в сторону Алтана, и поклонился тому, на ходу подготавливая высокопарную речь, но не успел сказать и слова, как тот его оборвал на полумысли.

— Сын Степи, — с заботливой улыбкой произнес вождь племени, встречаясь взглядом с встревоженным, но не показывающим этого внешне, Инсином. — Рад видеть тебя здесь. Я должен выразить благодарность, что ты вернул мою дочь домой.

— Что вы, я...

— Ворота нашего айыла всегда для тебя открыты, ты не должен чувствовать себя здесь чужим, — продолжил Алтан, словно видел степного воина насквозь. А увидев, как Кейта не сводит глаз с поровнявшегося с ней юноши, добавил: — Ведь ты практически и мой сын теперь.

— Папа, — нахмурившись, пробурчала удаганка. — Прекрати, ты смущаешь Инсина.

— Да? А вот зарумянилась почему-то ты, кыыс, — снова сдержанно рассмеялся Алтан, но решил пока на этом остановиться, и не загонять детей и дальше в краску. Выпрямившись, вождь племени теперь обратился ко всем: — Наши соплеменники и их верные друзья проделали долгий путь, они

устали и голодны. Илин, приготовь для всех лучшую еду. Алани, а ты проводи этих молодых людей с севера в гостевой балаган. Они — наши почетные гости и братья по оружию.

Наконец, толпа начала понемногу разбредаться. Вождь племени вместе с Кейтой и Инсином направился к центральному балагану, Саян о чем-то живо рассказывал Айану и Эр-элу, не при делах оставались лишь гости племени, Йорви и Юки. Двое могучих северных охотников стояли посреди поляны, с любопытством, которое они тщетно пытались скрыть за своими суровыми лицами, оглядываясь по сторонам. Для них, детей льда и камня, привыкших к бескрайним открытым пространствам, где единственным укрытием были низкие яранги да складки рельефа, этот шаманский айыл был другим миром. Совершенно чужим, но в то же время притягательным.

Первое, что их поразило, это деревья. Они росли прямо посреди поселения, огромные вековые кедры и лиственницы. Их кроны сплетались высоко над головой, создавая живой зеленый купол, который защищал от ветра и солнца. В родных краях северян дерево было редкостью, ценностью, каждая коряга шла в дело. А здесь люди жили не рядом с лесом, а прямо внутри него. Их дома словно были не построены, а выращены, так гармонично они вписывались в ландшафт, прижимаясь к могучим стволам. Сами балаганы тоже вызвали удивление. Крепкие, бревенчатые, с плоскими земляными крышами, на которых уже зеленела трава, они

казались частью самой земли. От каждого из них вился в небо тонкий ароматный дымок, и пахло не едкой ворванью, а смолой, травами и печеным хлебом.

Йорви, привыкший к тому, что под ногами у него либо снег, либо камень, с любопытством ткнул своим унтом в мягкий пружинящий мох, покрывавший землю между балаганами. Он был теплым, почти живым на ощупь. А Юки замер, глядя на священный сэргэ в центре айыла. Северянин смотрел на сложную многослойную резьбу, на выцветшие от времени ленты-салама, трепетавшие на легком ветерке. Он, в отличие от Йорви, чувствовал не только физический мир, а ощущал ауру этого места. Она была плотной, насыщенной, пропитанной веками молитв, ритуалов, рождений и смертей. Каждый предмет здесь имел свою историю, своего духа-хранителя. Юки чувствовал сотни невидимых глаз, добрых и любопытных глаз духов-иччи, которые следили за гостями леса из-за каждого дерева и камня.

— Ну и местечко, — пробасил Йорви, нарушая воцарившееся молчание. — Тихо, как в берлоге спящего медведя. А пахнет-то как вкусно!

— Уже все успели разглядеть? — дружелюбно хихикнув, произнесла подошедшая к ним Алани. — Пойдемте, провожу вас. Вам нужно отдохнуть и хорошо поесть.

Ребята пошли за ней, продолжая с детским любопытством вертеть головами, словно деревянными флюгерами на ветру. Они видели женщин, которые сидели на завалинках и

вышивали бисером сложные узоры, детей, которые играли в какую-то непонятную игру с раскрашенными камушками, старика, который сидел под сосной и играл на хомусе, и тихая вибрирующая музыка словно была олицетворением всей этой умиротворенной жизни. Было в шаманском айыле, в его гармонии с природой и спокойном достоинстве, что-то такое домашнее, уютное и правильное. Словно северяне попали не в военный лагерь союзников, а в гости к очень-очень дальним, почти забытым родственникам. Суровые сердца северных воинов, привыкшие к вечной борьбе и холоду, незаметно для них самих начали потихоньку оттаивать в этом пахнущем смолой лесном раю.

Когда Алани повела северян к гостевому балагану, откуда уже аппетитно пахло готовящейся едой, к ним с другой стороны поляны, размахивая руками, уже спешил Саян. Он выглядел отдохнувшим и снова был полон своей обычной неумемной энергии.

— Эй, Йорви, Юки! — крикнул шаман, подбегая. — Вы куда это, на дегустацию нашей местной кухни и без меня? Алани, сестренка, неужели я чую тот самый божественный аромат? Неужели это она, твоя несравненная похлебка из белых грибов!

— Ишь как запел. Она самая, — скептически взглянув на Саяна, кивнула девушка, но ее щеки едва порозовели от похвалы.

— О, Великая Мать! — Саян картинно закатил глаза, об-

ращаясь к северянам. — Ну, братцы, готовьтесь. Вы сейчас попробуете то, ради чего стоило пройти весь этот путь. Это не ваша рыба мороженая, а настоящая пища воинов! После одной миски такой похлебки можно голыми руками медведя завалить.

— Грибы? — с сомнением переспросил Йорви, который уже слышал подобные речи от Саяна в дороге. — Ты уверен, что это не пища духов?

— Больше тебе скажу, — заговорщически приложив руку ко рту, пробормотал Саян. — Духи, когда чуют этот запах, сами нисходят до нас, чтобы попросить хотя бы ложечку.

Шаман шел рядом с Йорви и Юки, тараторя без умолку, словно всего мгновения хватило, чтобы снова превратиться из сосредоточенного и серьезного Хранителя Очага в привычного, шумного и вечно голодного парня. Его непосредственность, простодушное хвастовство и неиссякаемый оптимизм были лучшим лекарством от усталости и тревоги. Когда они подошли к балагану, и Алани пригласила гостей внутрь, Саян по-хозяйски распахнул перед северянами дверь.

— Прошу, почувствуйте себя как дома! Только всю похлебку не съдайте, нам еще наших путешественников по Нижнему миру кормить. Да и я не менее геройскую порцию заслужил!

— Иди уже, герой, — закатив глаза, Алани проводила взглядом хихикающего шамана, который тут же побежал в

сторону пахнущего едой балагана, оставив Йорви и Юки с улыбкой переглядываться.

Тем временем в главном общинном балагане атмосфера была совсем иной. Огонь в большом центральном очаге горел ярко, отбрасывая длинные тени, но он не мог разогнать тот холод и напряжение, что повисли в воздухе. Кейта, Инсин и Алтан сидели на почетных местах, ожидая, пока соберутся старейшины и главные охотники. Тишина была тяжелой, наполненной невысказанными вопросами и тяжелыми предчувствиями. Кейта сидела, уставившись в огонь, ее лицо было похоже на застывшую маску. Она снова и снова прокручивала в голове слова Эрлика, его торжествующую ухмылку, чувство собственного сокрушительного поражения. Она вернулась домой, но какой ценой? И что теперь делать с тем знанием, которое она принесла? Инсин сидел рядом, его плечи, обычно такие прямые и уверенные, казались поникшими. Юноша так же не мог отделаться от чувства вины. За своего отца, сбросившего оковы с Тьмы. За Идана, пожертвовавшего собой ради них. Степной воин уже давно чувствовал на своих плечах ответственность не только за свой народ, но и за весь этот мир, находящийся на грани.

Но, несмотря на все это, Кейта и Инсин старались держаться, они не имели права показывать свое отчаяние. Когда взгляды двоих встречались, они пытались ободряюще улыбнуться друг другу, хоть и в этих натянутых улыбках прослеживалась очевидная горечь. Алтан, сидевший во главе сто-

ла, молчал. Он был мудрым шаманом, и прекрасно понимал, какая тяжесть сейчас на душе у этих двоих. Лучше пусть сами все расскажут, нежели их будут допрашивать. В любом случае, каких-то хороших новостей на этом собрании ожидать не стоило. Алтан не добился ответов от Айыы, а Кейта и Инсин получили от Эрлика ответы, которые лучше было бы и не знать. Верховный вождь лишь молча подливал в чаши горячий травяной отвар, давая Дочери Леса и Сыну Степи время прийти в себя, собраться с мыслями перед тяжелым разговором, который им всем предстоял. Даже любой целитель всегда ждет, когда утихнет лихорадка, прежде чем приступает к лечению болезни. А болезнь, поразившая их мир, была смертельной, и времени на ее лечение оставалось все меньше.

Наконец, дверь балагана закрылась за последним вошедшим старейшиной, который молча занял свое место в кругу. В помещении воцарилась выжидающая тишина, нарушаемая лишь густым треском просмоленных поленьев в очаге. Десятки пар глаз, тревожных, вопрошающих, полных сдерживаемой надежды и затаенного страха, были устремлены на них троих. Кейта сделала глубокий вдох, собираясь с силами. Соплеменникам предстояло рассказать все, без утайки. Они имели право знать правду, какой бы страшной она ни была.

— Мы были в Нижнем мире, — внезапно разрезав гулкую тишину, решительно произнесла Кейта, словно этим действием она «съест лягушку» и дальше дело пойдет как по

маслу. Но ничего не изменилось, лишь воздух в балагане словно стал еще более тревожным от напряженных взглядов присутствующих, вцепившихся в хрупкую, хоть и отчаянно старающуюся выглядеть уверенно, фигурку. И, отбросив все сомнения, Кейта начала свой рассказ. Она рассказывала во всех подробностях, начиная с момента, как они с Инсином оказались в Сердце Тэнгри, упомянула о благословении Великой Матери, о прыжке в бездну, и старейшины, слыша это, благоговейно качали головами. Удаганка описывала безжизненные пейзажи царства Эрлика, и когда она рассказывала о Дереве Скорби и о том, как они, ведомые отчаянием, разрушили эту темницу душ, по рядам охотников пронесся одобрителный гул. Но он тут же стих, когда Кейта с горечью пояснила, что это была лишь часть плана Хозяина Нижнего мира, и они, сами того не ведая, лишь помогли своему врагу. Ее голос окреп, когда девушка заговорила о великом шамане Идане, о том, как он, даже будучи сломленным, нашел в себе силы помочь им, и о той надежде, что пленник царства Эрлика в них зажег. Но когда Кейта дошла до финала истории, до тронного зала и встречи с самим Эрликом в его истинном обличии, ее голос снова начал дрожать. Она рассказывала о Хранилище Силы, о бьющихся сердцах в основании его трона, о чудовищах, рожденных из чистой эссенции отчаяния. И настал момент, когда нужно было рассказать соплеменникам о судьбе великого шамана.

— Идан, один из прародителей нашего племени... — Кей-

та запнулась, к горлу подступил удушающий ком. Воспоминание о его жертве, о том, как он, светясь, словно звезда на небосводе, шагнул в вечное забвение, было слишком свежим и не менее болезненным. — Он...

Удаганка опустила голову, не в силах продолжать, впиваясь ногтями в собственные ладони, чтобы не разреветься, как маленькая девочка, на глазах у своего народа. И в этот момент она почувствовала тепло на своей руке. Под краем стола, почти незаметно для остальных, ее дрожащая, стиснутая в кулак ладонь была накрыта другой — сильной, теплой и уверенной. Инсин не сказал ни слова, не посмотрел на Кейту, продолжая с каменным лицом смотреть прямо перед собой, на огонь. Но само его прикосновение, эта молчаливая непоколебимая поддержка, были красноречивее любых слов. Оно говорило: «Я здесь, рядом. Ты не одна. Мы пройдем через все это вместе». Кейта с благодарностью, бережно сжала его пальцы в ответ. Этот простой жест, островок тепла и силы посреди бушующего океана отчаяния, дал ей силы продолжать. Удаганка сделала глубокий вдох и закончила свой рассказ Великим Изгнанием, жертвой Идана, и воспоминанием о том, как они с Инсином вернулись в Средний мир. О том, что они, по сути, проиграли эту битву.

Когда Кейта замолчала, в балагане надолго повисла оглушительная тишина. Было слышно лишь, как трещит огонь и как тяжело дышит старый Эрдэни. Старейшины, сидевшие напротив, переглядывались друг с другом, словно передава-

ли эстафету — кому предстоит резюмировать услышанное и продолжить Совет. Наконец, первым голос подал Содор.

— Значит... Великий шаман сделал свой выбор. Мы не в праве его судить, и не в праве цеплять на свои лица эти скорбные маски. Все, что мы можем сейчас сделать — это не дать его жертве оказаться напрасной.

— А договор Эрлика со степным ханом? — подал голос Каскил, который все это время что-то анализировал у себя в голове. — Он все еще в силе?

Инсин, не отпуская руки Кейты, ответил за нее.

— Да. Мы не смогли его уничтожить, канал между Эрликом и моим отцом все еще открыт.

Упоминание «отца» заставило всех присутствующих вспомнить о том, что среди них всех сейчас сидит чужак, словно волк в стае овец. Но даже скептически настроенные старейшины теперь не могли и слова против сказать. Они видели, как крепко держится за руку их предводительницы этот степняк, видели, как девушка черпает в нем силы, с какой бесконечной нежностью смотрит на него. Видели, что между этими двумя, теперь была нерушимая связь, которая могла стать как их величайшей силой и единственной надеждой этого мира, так и самой опасной слабостью, которая погубит их обоих. Ведь именно об этом говорило пророчество. И мудрые шаманы племени еще не знали, радоваться этому, или бояться до дрожи в коленях.

Наконец, убедившись, что новых желающих высказаться

по итогам услышанного нет, слово взял Алтан.

— Я согласен с тем, что сказал Содор. То, что совершил Идан, это не поражение, а дар времени, купленный самой дорогой ценой. И наш долг заключается в том, чтобы использовать это время правильно. Эти дети принесли горькие, но важные вести. Мы теперь знаем, куда нужно направить основное внимание, с чем бороться в первую очередь. Это, как вы понимаете, все еще действующая связь между Эрликом и Хулан ханом.

— Но как ее уничтожить? — спросил Ойгон, в голосе которого сквозило отчаяние. — Тойон, ты же должен понимать, что расторгнуть договор между Владыкой Нижнего мира и смертным из Среднего мира может сделать либо сам Эрлик, либо тот, кто одержит над ним верх. Обе задачи кажутся равноценно невыполнимыми!

— Невыполнимых задач не бывает, — возразил Алтан. — Бывают лишь неверно выбранные пути. Мы пытались действовать силой, и проиграли. Значит, нужно действовать хитростью.

Вождь обратился к Инсину.

— Сын Степи, твой отец представляет сейчас собой сосуд, особый канал. Он — слабое звено в этой цепи, Эрлик управляет им через страх и отчаяние. Вероятно, он сильно изменился после призыва Владыки Нижнего мира, Хулан хан глух и слеп ко всему, что его окружает, даже к своим сыновьям. Но что, если мы сможем достучаться до него? Если

мы сможем пробудить в нем волю к сопротивлению?

— Это невозможно, — пессимистично покачал головой Инсин. — Он слишком глубоко погряз во Тьме. И Эрлик не даст нам такой возможности.

— Эрлик ослаблен, — прервал его Алтан. — И отвлечен. Он подготавливает свой новый ход и уверен, что мы будем сидеть здесь и дрожать от страха. Более, чем уверен, что он не ждет от нас удара, особенно по его главной марионетке. Как показала практика, мы не можем сразиться с Эрликом в его мире. Но мы можем поборотся за душу твоего отца здесь, в нашем.

Поднявшись с места, верховный вождь посмотрел на старейшин.

— Нужно будет провести ритуал «Призыва Души». Попробуемся дотянуться до разума степного хана, пробиться сквозь Тьму, что окутала его, и поговорить с ним. Показать ему, во что он ввязал свой народ и наш мир в целом.

— Но для этого... — подал голос Эрдэни, задумчиво перебирая в руках какой-то талисман. — Нужен будет проводник. Тот, чья кровь и чей голос знакомы хану, кого его душа сможет услышать.

— Это так, — кивнул Алтан, и все взгляды обратились к Инсину.

— Что вы имеете в виду? — юноша с непониманием смотрел на окружающих. — Я должен буду войти в разум отца?

— Это наиболее эффективный вариант из возможных, —

ответил Алтан. — Ты его сын, твоя кровь — его кровь. Его душе будет проще всего впустить именно тебя.

Сама идея звучала основательно, вот только потенциальному участнику не говорили о рисках. Разум, отравленный Эрликом, был опаснее любого поля битвы. Инсин мог заблудиться в нем, сойти с ума, или же сам Владыка Нижнего мира, почувствовав вторжение, мог просто захватить и его душу.

— А что, если не получится? — задал вслух возникший у большинства присутствующих вопрос Каскил. — Если хан не придет в себя?

— Тогда у нас останется лишь один путь, — спокойно ответил Алтан, усаживаясь обратно на свое место. — Если не удастся разорвать договор изнутри, нам придется разрушить его снаружи. А для этого потребуются уничтожить мир, который питает договор, построенный на вражде наших народов.

— Что это значит, отец? — нахмурившись, спросила Кейта. Формулировка «уничтожить мир» никак не укладывалась в ее голове.

— *«Старый мир должен переродиться, чтобы оба могли жить»*, — словно вдохновенно цитируя что-то, едва слышно произнес Эрдени, посмотрев на Алтана.

— Мы расшифровали истинный посыл пророчества, — благодарно кивнув старейшине, обратился вождь к дочери. — То послание, о котором знаем мы все, было искажено Эрликом. На камне Первоздания в чертогах Айыы было напи-

сано иное. Там не говорилось о физической смерти, но говорилось о перерождении мира. Если мы хотим одержать победу, то должны не просто изгнать с наших земель Тьму, а выступить против самой идеи вражды. Создать мир, в котором Эрлику попросту не останется места. Но сначала мы должны попробовать спасти одного человека, от этого зависит многое.

Мысль о том, что пророчество было умышленно искажено Эрликом, закрадывалась в голову Кейты и раньше. Но сейчас, услышав об этом от своего отца, девушка почувствовала, как тяжелый груз свалился с ее плеч. Это знание вовсе не сделало их положение проще, но тихая надежда на то, что ни ей, ни Инсину не придется погибнуть, чтобы снять нависший надо всеми рок, зародилась в девичьем сердце. Именно поэтому, несмотря на необходимость оговариваемых действий, следующие слова отца прогремели для удаганки громом.

— Ты готов, Сын Степи? Войти в разум своего отца и сразиться за его душу.

Несмотря на то, что вопрос ему задал вождь племени, Инсин посмотрел не на него, а на Кейту, глаза которой были полны ужаса и страха.

— Готов, — твердо ответил он, не сводя глаз с девушки. Словно пытался донести ее одним этим взглядом, что он не проиграет. Он сделает все, что в его силах. Но это все равно не убедило юную шаманку.

— Нет.

Слово, произнесенное Кейтой, было тихим, хотя внутри девушке хотелось кричать во весь голос. Все взгляды тут же обратились к ней. Удаганка медленно, с достоинством, поднялась на ноги, ее лицо было абсолютно спокойным, но в синих глазах горел расчетливый огонь.

— Вы с ума сошли? — спросила Кейта, обращаясь не к кому-то конкретно, а ко всем присутствующим сразу. — Вы хоть понимаете, что предлагаете?

— Дитя, мы все понимаем риски, но ты же видишь... — начал было Ойгон.

— Нет, почтенный, не понимаете, — вежливо, но твердо прервала его удаганка. — Конечно, легко говорить тем, чьи души тренированы годами, десятилетиями. Вы знаете тропы духов, знаете, как защищаться от морока, как отличить правду от иллюзии. А он, — Кейта кивнула на Инсина, — простой степной воин. Вы хоть представляете, что такое разум, отравленный Эрликом? Это не просто кошмары, а живая тьма, которая выворачивает душу наизнанку. Она берет твои самые светлые воспоминания и превращает их в орудия пытки. Говорит голосами тех, кого ты любишь, и заставляет тебя ненавидеть их. Она питается твоей волей и надеждой, самым твоим «я».

Удаганка шумно выдохнула, вспомнив все свои испытания в Нижнем мире. Кто знает, быть может разум степного хана представляет сейчас нечто чего похуже. Все, чего касается Эрлик, явно не выглядит садами с певчими птицами,

как в Верхнем мире. И Кейта готова была продолжать свою речь до упора, пока все не согласится с ее мыслями. Она не отпустит Инсина в эти кошмарные миры, чего бы ей это ни стоило. Девушка подняла глаза на степного воина, в ее глазах промелькнула глубокая, мучительная нежность.

— Душа Инсина сильна и полна чести и света. Именно поэтому она может стать идеальной пищей для такой тьмы. Отправлять его туда одного, неподготовленного, это все равно что отправить ягненка в логово голодного волка. Я понимаю твой план, отец. Он хорош и хитер, но цена за него слишком высока. Если ты считаешься с весом моего голоса, то я выступаю против этой абсурдной идеи. И призываю всех от нее отказаться. Немедленно.

В балагане повисла тишина, старейшины лишь безмолвно переглядывались друг с другом. Холодная ярость их медведицы и ее неоспоримая правота произвели гораздо большее впечатление, чем любой эмоциональный всплеск. Кейта рассуждала не как импульсивная влюбленная девушка, желающая оградить ото всех опасностей своего близкого человека, а как предводитель, оберегающий своего ценного воина. Инсин ничего не говорил, да и добавить было нечего — свою позицию он уже высказал. Степной воин не боялся в очередной раз окунуться во тьму, если это будет во благо их миру. Но то, как Кейта защищала его, с какой силой и мудростью она это делала, наполняло сердце юноши не только благодарностью, но и безграничной гордостью. Он опустил го-

лову, в попытках спрятать незваную и не совсем уместную в нынешней обстановке улыбку. Алтан долго молчал, обдумывая сказанное дочерью. Но вовсе не потому, что оценивал, стоит ли соглашаться с позицией Кейты, а потому что был поражен до глубины души. Его маленькая кыыс, упрямый и капризный медвежонок, выросла в такую мудрую и статную предводительницу, буквально равную ему самому. На самом деле, Алтан даже не планировал отправлять на такой рискованный шаг сына степного хана. В этом вопросе ему хотелось именно лицезреть реакцию Кейты, и он был вполне доволен увиденным и услышанным.

— Ты права, кыыс, — произнес наконец верховный вождь. — Хоть и этот вариант выглядит наиболее оптимальным, он же принесет с собой и больше проблем. В качестве души, которую хан непременно узнает, можно использовать не только его сына.

— У тебя есть другая идея, тойон? — заинтересовано вытянулся Содор, в ответ на что Алтан с уверенностью кивнул.

— Конечно. За душу Хулан-хана буду бороться я.

Старейшины практически одновременно ахнули.

— Тойон, но ты еще не восстановил силы! — воскликнул Ойгон, всплеснув руками. — Великая Мать, одна идея абсурднее другой...

— Моих сил хватит с головой, — строго отрезал Алтан. — Я единственный из всех здесь присутствующих знаю разум Эрлика и его уловки. И у меня единственного есть хоть

какой-то шанс противостоять ему на его поле. Так что я сам проведу ритуал. А ваша задача — готовиться ко второму варианту, если у меня ничего не выйдет.

Затем вождь посмотрел на Кейту и Инсина.

— Этому миру, как никогда раньше, сейчас требуется единство. Ваша задача, дети, самая сложная. Пока я буду пытаться спасти прошлое, вы должны позаботиться о будущем нашего мира. Нам нужно убедить все народы в необходимости единства. Потому что, если я не смогу уничтожить связь Эрлика со Средним миром, единственное, что сможет остановить армию тьмы, это объединенная армия света.

Юноша и девушка переглянулись. Это было практически то же, что им перед отъездом на юг сообщил Торвальд *«Вам нужны союзники, все, кого вы только сможете найти. Наступает время, когда стоит объединиться даже с бывшими врагами»*. Похоже, великие умы мыслили одинаково. Хоть и сама эта идея в нынешние времена для всех уже казалась единственно верной.

— Если ни у кого нет вопросов, предложений или возражений, то сегодняшний Совет объявляю закрытым. — после непродолжительного молчания, добавил Алтан. Старейшины и охотники лишь покорно кивнули, хотя неозвученных вопросов оставалось немало, после чего поочередно покинули балаган, чтобы наедине переварить всю полученную за сегодня информацию. Когда Алтан, Кейта и Инсин остались одни, вождь подошел к степному воину, молча положил

свою руку ему на плечо и крепко, по-отцовски, сжал. В этом простом жесте было все: и извинение за рискованный план, и благодарность за его смелость, и принятие. Инсин больше не был для него просто Сыном Степи. Он был воином, которому Алтан всецело мог доверить жизнь своей дочери. Юноша с уважением склонил голову, после чего верховный шаман повернулся к Кейте.

— Ты стала настоящей предводительницей, медвежонок, я горжусь тобой. Помни, что путь, который вам обоим предстоит, будет долог и опасен.

— Мы справимся, отец, — уверенно кивнув, ответила удаганка.

— Я знаю, — он тепло улыбнулся. — Но все же, будьте осторожны. И да хранят вас духи.

Алтан оставил их двоих и ушел в свой балаган готовиться ко сну. Кейта и Инсин тоже не стали долго здесь задерживаться, и, погасив очаг, вышли на улицу.

— Спасибо, — остановившись, произнес юноша, обратившись к шаманке. — За то, что заступилась за меня. Ты же знаешь, я обычно делаю, а только потом думаю. А вот ты устроена ровно наоборот.

Кейта сдержанно рассмеялась.

— Вот и хорошо, что мы уравниваем друг друга. — девушка протянула руку и осторожно коснулась щеки Инсина, убирая выбившуюся прядь темных волос. Ее прикосновение было легким, как крыло бабочки, но от него по всей

его коже юноши пробежали мурашки. Улыбка неспешно сошла с лица Кейты, опустив глаза, она чуть тише добавила: — Я просто... не могу потерять тебя снова. Не теперь.

— Ты и не потеряешь, — Инсин накрыл руку девушку своей и прижался к ней щекой. — Никогда, клянусь воинской честью.

Дочь Леса и Сын Степи стояли так, в тишине засыпающего айыла, наслаждаясь этим редким моментом покоя. Им предстояла дипломатическая миссия, нужно будет вести переговоры и объединять народы. Но сейчас, в эту минуту, хотелось абстрагироваться ото всех обязанностей. В этот самый момент, краем глаза, Инсин заметил движение. Быстрая, едва уловимая тень, метнулась от входа в балаган Алтана, стоявшего чуть поодаль, и юркнула за угол соседнего жилища. Движение было таким быстрым и бесшумным, что обычный человек его бы даже не заметил. Но не мэргэн. Не тот, чье зрение было натренировано выслеживать даже самого осторожного зверя. Брови Инсина мгновенно нахмурились. Вся его нежность и расслабленность улетучились в миг, сменившись инстинктивной настороженностью воина.

— Что такое? — спросила Кейта, почувствовав, как напрягся юноша.

— Ничего, — успокаивающе выдохнул он, не отрывая взгляда от того места, где исчезла тень. Не стоило сейчас без явного повода тревожить и без того уставшую от бесконечной череды переживаний девушку. — Показалось.

Но Инсин был абсолютно уверен, что ему не показалось. Кто-то явно шпионил у балагана верховного шамана, пока тот был на Совете. Кто это мог быть? Кто-то из своих? Но зачем? Быть может, найти ответ было бы проще, если бы Кейта и Инсин знали, что их общий враг, а для одного из них и старший брат по крови, был сейчас прямо здесь, в лечебнице шаманского айыла. И уж тем более никто из них не догадывался, что у этого раненого и притворяющегося абсолютно беспомощным зверя появилась верная и преданная помощница, готовая выполнить любую его просьбу. Даже если эта предательская задача заключалась в краже чего-то очень ценного у верховного шамана племени.

Глава 3. Родственные души

Новости в степном улусе распространялись со скоростью пожара, но были такими противоречивыми и страшными, что никто не знал, чему верить. Одни дозорные, вернувшись с северных границ, рассказывали о позорном поражении Бату и о ведьме, повелевавшей лесом. Другие шептались, что Инсин, младший сын хана, не предатель, а герой, и что именно он теперь единственная надежда орды. В улусе царило полнейшее непонимание и страх. А самое главное — у них не было вождя.

Хан Хулан был жив, но это существование сложно было назвать жизнью. После той ночи, когда он бросил вызов Эрлику, повелитель степной орды впал в состояние, близкое к коме. Он лежал в своем гэре, его глаза были открыты, но не видели ничего. Хулан не говорил, не ел, не реагировал ни на какие прикосновения или звуки. Лишь размеренное, едва заметное поднятие и опускание груди говорило о том, что это все еще живой человек. Эрлик сдержал свое слово. Он не убил хана, но поступил хуже. Владыка Тьмы забрал его кут, и теперь держал душу «на привязи». Это была наглядная и жестокая демонстрация его власти, цена отказа от исполнения условий договора. В этом вакууме власти двое его оставшихся в лагере сыновей, Мунко и Арслан, начали брать ситуацию в собственные руки. Они сидели в гэре младшего

брата, и напряжение между сыновьями хана можно было резать ножом.

— Надо что-то делать! — говорил Арслан, младший из них. Он был горяч, порывист и всегда старался следовать идеям Бату, которого он считал самым примерным нойоном. Хоть и многое из того, что совершал старший брат, шло в абсолютном диссонансе с жизнеутверждениями Арслана. Он расхаживал по тесному пространству гэра, рука юноши то и дело ложилась на рукоять меча. — Отец не с нами, Бату и Инсин пропали, орда в смятении. Если и мы сейчас будем сидеть сложа руки, все развалится к абаасы болотным! Люди разбегутся, другие кланы разорвут нас на куски, как пить дать!

Мунко, старший, более грузный и инертный, сидел на шкурах, лениво ковыряя в зубах щепкой. Он был воином, а не политиком, любил простые и понятные приказы. А думать совсем не любил.

— Ну и что предлагаешь? — пробасил степняк. — Собрать воинов и поскакать на север? Искать Бату, который, если верить слухам, сбежал, поджав хвост? Или Инсина, который якшается с лесной ведьмой? По-моему, любая из за-тей так себе. В нынешних обстоятельствах лучше всего, это сидеть тихо и ждать.

— Ждать?! — взорвался Арслан, сердито топнув ногой. — Ждать чего? Пока армия того же клана Белого Сокола придет сюда и поймет нас всех?! Мы сыновья хана, етить

твою за ногу! Последняя надежда улуса! Нельзя же просто бросать все наобум!

Навернув несколько кругов по гэру и ругаясь под нос, юноша остановился перед братом.

— Мы должны ехать и узнать всю правду, что случилось с отцом и как решить эту проблему. Улус больше не может оставаться без предводителя. Что мы как девки какие-то, которые мужей своих с полей битв ждут! Настоящий воин никогда не сидит на месте.

— Ну так и езжай, я тебя держу что ли, великий воин, — усмехнулся Мунко, выплевывая щепку. — Бату всегда презирал что тебя, что меня, мы для него были лишь тенью его славы. А Инсин... пф, думаешь, он примет нас с распростертыми объятиями? После того, как мы молчали, когда Бату оставил его умирать в том болоте?

Арслан поджал губы. Это воспоминание было болезненным, так как тогда ни он, ни Мунко вовсе не думали, чем обернется сложившаяся в Черных Топях ситуация. Но перечить Бату никто из них не смел.

— Мы трусили, сам знаешь, — пристыженно пробормотал степной воин. — И не знали, что делать...

— Вот и сейчас не знаем, — с назиданием мудреца, отрезал Мунко. — Так что я никуда не поеду. Это самоубийство.

— А сидеть здесь и ждать, пока нас всех убьют, намного лучше, да? — с презрением спросил Арслан.

— Почему бы и нет? — грузный парень пожал своими

могучими плечами. — Здесь тепло, есть еда и айраг. А там, на севере, сплошь ведьмы да болотные абаасы. Еще и комары размером с кулак. Выбор, по-моему, очевиден.

Арслан смотрел на брата, и в его глазах боролись ярость и отчаяние. Он понимал, что один, без поддержки старшего и его воинов, он ничего не сможет.

— Ты трус, Мунко.

— А ты дурак, Арслан.

На этом разговор был временно окончен. Раскол, произошедший в орде, теперь прошел и через их семью, разделив последних оставшихся здесь братьев. Один выбрал путь бездействия, а второй, полный юношеского максимализма и желания доказать свою значимость, остался один на один со своей тревогой и с решением, которое ему теперь предстояло принять в одиночку. Арслан сжал кулаки, глядя на своего равнодушного, жующего вяленое мясо брата. Трус. Безвольная амеба. На языке вертелись одни ругательства. Но в этот же момент Арслан вспомнил, что Мунко был не только ленивым и трусливым, но еще и не в меру жадным. А эта была та струна, на которую сейчас можно было надавить.

— Хорошо, — сказал Арслан, заводя руки за спину и важно выхаживая по гэру. — Можешь сидеть здесь, сколько вздумается. Только подумай вот о чем, брат. Какие по-твоему варианты развития нашей ситуации?

— Какие варианты... — равнодушно прожевал Мунко. — Само все рассосется как-нибудь.

— Не рассосется, — отрезал Арслан, едва ли сдерживаясь, чтобы не плюнуть на идею донести свои мысли до брата. Вздохнув, он продолжил: — Вариант первый. Бату возвращается в улус и самопровозглашает себя предводителем в сложившейся ситуации. Как думаешь, что он сделает с тобой? С братом, который в трудный час отсиживался в тылу и ждал, сложив лапки? Да он либо убьет тебя как потенциального конкурента, либо сделает своим самым презренным слугой.

Мунко перестал жевать, исподлбья взглянув на младшего брата. Эта мысль ему явно пришлась не по душе.

— Вариант второй, — продолжал Арслан. — Если пальма первенства перепадет Инсину. Что этот папенькин сынок сотворит с нашим великим племенем? Отменит наши законы, запретит набеги... заставит нас разводить овец и сажать репу! И все это, конечно, под досмотром шаманских прихвостней. Тебе понравится такая жизнь, брат? Жизнь тщедушного пастуха, а? Ну и третий вариант, самый реалистичный — все другие кланы, не будь дураками, объединяются против нас и сравнивают улус с землей, за все бывшее «добро», что мы им причинили. А там, кто знает, может на пиршество по этому поводу придет и Хозяин Нижнего мира, о котором нынче только немой не говорит. Готов отдать им всем наше законное право на эти земли? Готов потерять статус нойона, и стать свиньей на вертеле на этом празднике смерти?

— Харош нагнетать, — сердито отреагировал на услы-

шанное Мунко. — Как будто мы можем повлиять хоть на один из этих твоих убогих вариантов.

— Можем, еще как! — младший брат спешно подошел и схватил того руками за плечи. — Мы единственные, у кого еще репутация чиста, как пух. И если мы выйдем из этой ситуации героями, спасем и отца, и братьев, и весь наш улус, кого народ сочтет назвать следующим ханом?

— А если... — Мунко посмотрел на Арслана, хитро сузив глаза. — Если обоих наших братьев уже забрало Небо?

— Тогда звезда удачи точно на нашей стороне! Только представь, Мунко — ты станешь ханом, я твоей правой рукой. Все достанется только нам! Все богатства, вся слава, все женщины орды будут наши!

Эти аргументы стали решающими. Мунко отбросил в сторону недоеденный кусок мяса, его апатичное лицо исказила жадная, предвкушающая ухмылка. Сын хана медленно поднялся на ноги.

— Что-то засиделись мы, брат, — пробасил он. — Я собираю людей. Через час выступаем на север.

Арслан внутренне улыбнулся, проводив взглядом покидающего гэр брата. Рыбка проглотила наживку, и их собственная игра в этой войне только что началась.

После Совета Старейшин Кейта и Инсин попрощались у

большого сэргэ и нехотя разошлись по разным балаганам — удаганка вернулась в свой, а степной воин, как и положено гостю, направился в тот, что ему выделили. Не стоило сейчас давать лишних поводов для сплетен в племени, чье доверие было таким хрупким и с трудом завоеванным. Но Инсин не пошел в гостевой балаган. Та тень, что он заметил ранее у жилища Алтана, не давала юноше покоя, зудела под кожей, как заноза. Инстинкт мэргэна, отточенный годами охоты и битв, кричал ему, что в тихом мирном айыле притаилась змея. Он не стал поднимать тревогу и делиться своими смутными подозрениями, которые могли счесть паранойей. Вместо этого Инсин сам превратился в тень, бесшумно растворившись в густых вечерних сумерках, сливаясь с корявыми стволами вековых деревьев. Он вернулся к балагану верховного шамана и затаился за грудой сложенных поленьев, выжидая с терпением хищника, выслеживающего свою добычу.

Через некоторое время, когда последние отголоски вечерней суеты стихли, из-за угла соседнего жилища снова выскользнула та самая фигура. Она была закутана в неприметный меховой плащ с глубоким капюшоном, полностью скрывавшим лицо. Тень двигалась быстро, шла витиеватыми, запутанными дорожками, постоянно оглядываясь, прижимаясь к стенам балаганов, петляя между спящими собаками, словно отчаянно пытаясь замести следы. Инсин, как призрак, следовал за ней на расстоянии, зоркие глаза не упус-

кали ее из виду ни на секунду. Юноша ожидал, что она направится к выходу из айыла, чтобы передать весть кому-то снаружи, или в какой-нибудь укромный уголок для тайной встречи. Но конечная точка ее маршрута заставила его замереть в недоумении. Фигура, в последний раз убедившись, что за ней никто не следит, шмыгнула в балаган целительницы.

Это было крайне подозрительно. Что за тайны могли быть у кого-то с доброй старой Илин, которая была душой и совестью их племени? Ведомый нарастающим подозрением, Инсин обошел жилище с другой стороны. Он тихо подкрался к небольшому оконцу, затянутому бычьим пузырем, который от света очага внутри отбрасывал на землю размытые тени. Степной воин осторожно, миллиметр за миллиметром, приоткрыл небольшой деревянный клапан, предназначенный для проветривания, и заглянул внутрь. То, что он увидел, заставило его брови изумленно вскинуться вверх. На лежанке, приподнявшись на локте и внимательно слушая своего собеседника, сидел Бату. Его старший брат, здесь, в самом сердце шаманского айыла! А перед ним, спиной к окну, стояла та самая тень, но теперь капюшон был откинут. Это была молодая девушка-шаманка, которую однажды уже видел Инсин, она передавала старшему сыну хана небольшой, сверкнувший в свете огня предмет. Бату что-то тихо, убеждающе говорил, и хотя слов было не разобрать, его интонация была мягкой, почти соблазняющей. А девушка то и дело кивала, глядя на него с тем благоговением и слепым

обожанием, какие бывают лишь у самых преданных последователей, полностью попавших под чужое влияние. Инсин наблюдал за этой сценой, и в его голове все разрозненные и тревожные кусочки головоломки начали с пугающей скоростью складываться в единую картину. Похоже, после сражения отца Кейты с Эрликом, Алтан решил позаботиться о тяжелораненом Бату, несмотря на все то зло, что он причинил его племени и, в особенности, его дочери. А тот времени зря не терял, и нашел здесь, как минимум, одного союзника, что немудрено. Бату, по мнению Инсина, всегда умело навешивал лапши на уши. Юноша не знал, что именно девушка передала его брату, но увидел он достаточно. Инсин бесшумно закрыл клапан и так же тихо, как и пришел, отступил в тень. Он не планировал врываться и поднимать шум. Сейчас следовало действовать так же, как и его брат, хитро и безжалостно. Он должен немедленно предупредить обо всем Алтана!

Инсин, крадучись, как ночной хищник, добрался до балагана верховного шамана. Времени на вежливость не было, поэтому он, даже не постучав, откинул тяжелый полог и скользнул внутрь. Алтан, на его удивление, не спал. Верховный шаман сидел в центре своего жилища, скрестив ноги, перед низким столиком, на котором горела масляная лампа. Ее ровный свет освещал его лицо, на котором не было и тени сна. Услышав шаги, Алтан поднял свои мудрые всевидящие глаза на Инсина и, казалось, ничуть не удивился появлению ночного гостя. Словно он его ждал.

— Тоже беспокоит бессонница? — с заботливой улыбкой произнес шаман, его голос был спокоен, как тихая заводь. — Или нечто иное привело тебя ко мне в такой час, Сын Степи?

Инсин, тяжело дыша из-за тревожного сердцебиения, подошел ближе.

— Предательство, — выдохнул он. — Ваши люди попали под влияние моего брата! Его вообще не должно быть здесь, Алтан-тойон, при всем уважении к вашему большому и доброму сердцу.

Инсин спешно рассказал о тени, которая выскользнула из балагана вождя и направилась напрямиком в лечебницу, о том, как это оказалась юная девушка, которая передала нечто, возможно очень ценное, Бату. Он ожидал увидеть на лице Алтана удивление, гнев, тревогу... но вместо этого верховный шаман лишь улыбнулся с какой-то горькой, всезнающей мудростью.

— Я знаю, — просто ответил тот, от чего Инсин едва ли не поперхнулся.

— Вы... что?

— Догадывался, — поправил себя Алтан. — С того самого момента, как Илин рассказала мне о странной привязанности своей ученицы к нашему «больному».

— Но эта девушка что-то ему передала! Какой-то предмет, который, вероятно, украла у вас! — настойчиво твердил Инсин. — Мы должны немедленно...

— Успокойся, дитя, — мягко прервал его шаман. Он же-

стом указал на шкуры напротив себя. — Сядь.

Степной воин, хоть и неохотно, подчинился.

— Не переживай, мой юный друг, я прекрасно знал, за чем будет охотиться твой брат, ведомый шепотом Эрлика, — продолжил Алтан, в его голосе прозвучали нотки усталого наставника, объясняющего очевидные вещи нетерпеливому ученику. — И я знал, через кого он попытается это сделать.

— Так зачем же вы позволили? — не выдержав, прервал его Инсин.

— Потому что иногда, чтобы поймать лису, нужно дать ей возможность поверить, что она уже схватила курицу.

Алтан протянул руку и взял со столика, стоящего рядом, предмет. Вождь положил его между ними, в свете лампы тот блеснул матовой белизной. Это было ожерелье, сделанное из огромных, пожелтевших от времени клыков животного, нанизанных на толстый кожаный шнур.

— Талисман из зубов белого медведя, — ответил на немой вопрос своего собеседника Алтан. — Древний артефакт нашего клана. Легенды гласят, что он позволяет говорить с духами Верхнего мира. Тот, кто носит его, может достучаться до самой Тэнгри.

— Но... как! — тут же подскочил Инсин. — Это именно тот предмет, что я видел в руках у девушки. Она передала его Бату!

— Сядь, — ровно произнес верховный шаман. Степной воин опустил голову, пристыженный своим нетерпеливым

поведением, и послушно сел. — То, что Ирена ему передала, это красивая, искусно сделанная, но абсолютно бесполезная подделка, которую я изготовил сегодня днем. И которую «случайно» оставил на довольно видном месте в своем балагане.

Инсин приоткрыл рот, словно собрался что-то ответить, но передумал. До него постепенно начал доходить весь масштаб этой многоходовой игры.

— Настоящий талисман, — Алтан преспокойно надел на себя талисман, пряча его под плотной рубахой, — здесь, со мной. Сын Степи, твой брат, окрыленный мнимым триумфом, теперь думает, что у него в руках ключ к вызову богини. Он будет ждать знака от Эрлика. А Владыка Нижнего мира будет уверен, что его план работает. Они оба думают, что контролируют ситуацию. И оба ошибаются.

— Но зачем все это? — в непонимании сводя брови к переносице, спросил Инсин. — Весь этот спектакль.

— Ты плохо знаешь Эрлика, дитя, — слабо улыбнувшись, ответил вождь племени. — С ним иначе и нельзя. Теперь, когда они будут пытаться «вызвать» Великую Мать, используя фальшивый ключ, мы будем готовы нанести Эрлику, уже в его ослабленной, бестелесной форме, очередной удар.

Алтан взял со стола две чаши и неспешно налил в них отвар.

— А теперь, — сказал он, протягивая одну из чаш Инсину, — давай выпьем. Иногда, самая важная часть битвы, это

терпение и умение позволить своему врагу самому зайти в ловушку, которую он так старательно строил для тебя.

Пока верховный шаман и степной воин вели свою ночную беседу, продвигая фигуры на воображаемой шахматной доске, Кейта в своем балагане вела отчаянную битву с самой собой. Девушка лежала, укрывшись теплыми шкурами, и отчаянно пыталась уснуть. Усталость, накопившаяся за эти безумные дни, свинцом давила на тело, но стоило удаганке только закрыть глаза, как перед внутренним взором тут же вспыхивали кошмары. Кейта снова видела, как Дерево Скорби рассыпается в прах, унося с собой в небытие тысячи душ, слышала их безмолвный крик, видела уродливо пульсирующие сердца в основании трона Эрлика. Она чувствовала ледяное прикосновение его пальцев и слышала его ядовитый голос, нашептывающий о ее бессилии.

Кейта резко распахнула глаза, ее сердце бешено колотилось, а лоб покрывала холодная испарина. Она боялась снова уснуть и вернуться в этот ад. Девушке абсолютно не хотелось сейчас оставаться одной, в этой тишине тени казались гуще, а страхи обретали форму. Ее мысли, словно ища спасения, сами собой вернулись к тому единственному, украденному у судьбы, идеальному утру. Кейта вспомнила это чувство абсолютной безопасности в чужих объятиях, сонное, безмятежное лицо Инсина, его тихий смех. И тот поцелуй, который, казалось, смог излечить все ее раны, как физические, так и душевные. «Как бы я хотела... — пронеслось в голове

девушки. — Остаться в том моменте навсегда. Где не было ни прошлого, ни будущего. Только мы». Отчаянное желание тепла и близости оказалось сильнее и страха, и гордости, и всех правил приличия. Наплевав на все, Кейта подскочила со своей постели. Спешно нацепив подвернувшуюся под руки меховую накидку, удаганка выскользнула из своего балагана.

Она пойдет к нему. А что дальше? Об этом Кейта сейчас особо не думала. Возможно, просто постоит у его двери его балагана, чтобы знать, что Инсин рядом, что она не одна. Но, сделав всего несколько шагов по спящему айылу, взгляд девушки зацепился за одинокую фигуру у центрального, уже почти догоревшего костра. Человек сидел на бревне, спиной к ней, и мерными движениями точил нож-батас о брусок. Саян? Кейта замерла в тени. Что он здесь делает в такой час? Охраняет айыл? Или его тоже мучают кошмары? Широкая спина юноши излучала такое спокойствие и уверенность, что ее безумный порыв показался вдруг Кейте детским и глупым. Не может же такая важная особа, как предводительница племени, бежать к мужчине посреди ночи только потому, что ей внезапно стало страшно! Удаганка уже хотела было так же тихо вернуться обратно в свой балаган, но в этот момент Саян, словно почувствовав ее присутствие, перестал точить нож и, не оборачиваясь, бросил в темноту:

— Не спится, балым?

— Тот же вопрос к тебе, — ответила Кейта, расслаблено опуская плечи. Девушка вышла из тени и присела на бревно

рядом с ним, протягивая озябшие руки к теплу последних углей. Саян сделал еще несколько медленных, выверенных движений бруском по лезвию, словно завершая какой-то известный лишь ему ритуал. Затем он отложил нож и брусок и посмотрел на подругу.

— Сны дурные мучают? — спросил шаман просто, без лишних расспросов, и Кейта молча кивнула. Что-то неуловимо изменилось в Саяне за время их короткого, но такого насыщенного путешествия. Вроде и никуда не подевалась его мальчишеская бесшабашность, вечная готовность пошутить и посмеяться. Но он словно стал намного спокойнее. Взрослее. Во взгляде шамана теперь была не только дружеская преданность, но и глубокая, какая-то не по годам мудрая печаль. Сердце Кейты сжалось от внезапного приступа заботы и сострадания к нему. И зачем на их плечи, которые еще совсем недавно должны были носить лишь корзины с ягодами да грибами, упала вся эта тяжесть?

— И меня вот, — после непродолжительного молчания, продолжил Саян. — Снится северный холод и завывание ветра. И то, как я держу нить, она то и дело вибрирует и мерцает, а я боюсь, что она вот-вот оборвется.

Юноша горько усмехнулся, поджав одну ногу под себя.

— Все-таки, жизнь интересная штука. Раньше я больше всего боялся, что пропущу ужин и все сожрут без меня. А теперь боюсь, что из-за меня могут погибнуть мои друзья. Уровень ответственности, скажем так... вырос.

— И все же, тогда ты справился, Саян, — тихо сказала Кейта. — И был в этом великолепен.

— Да ладно, я тогда просто лишь сидел и трясся от страха, как заяц в припадке, — негромко рассмеялся шаман. — И рассказывал северянке истории про наших горе-грибников, чтобы не заснуть. Так себе подвиг.

— Ну, знаешь ли. Иногда, не дать себе расслабиться и заснуть в важный момент, это тоже немалый подвиг, — возразила девушка. Они некоторое время помолчали, глядя, как последние угольки превращаются в седой пепел.

— А он... — спросил Саян, не называя имени, но оба поняли, о ком речь. — Как вообще?

— Держится, — выдохнула Кейта. — Инсин очень сильный. Хоть и раньше я была о нем другого мнения.

— Тут сложно поспорить, — кивнул шаман. — Он словно стал... как бы так объяснить, не грубее, а тверже. Как будто степной песок в его душе спрессовался в камень.

Юноша покосился на удаганку. Его глаза тревожно забегали, словно он тщательно подбирал слова, или вообще не до конца был уверен, нужно ли задавать вопрос, который так и вертелся на языке. Но в итоге Саян сдался.

— А ты... как с ним?

Кейта нахмурилась. Даже не глядя в сторону шамана, она понимала, что он спрашивает не о планах и не о стратегии. Но разве у нее есть секреты от лучшего друга?

— Я не знаю, Саян, — девушка вздохнула, нервно запра-

вив прядь волос за ухо. — Все так запутано. Когда мы вместе, все кажется таким простым и правильным. Как будто так и должно быть. А потом в мою голову начинают лезть все эти дурацкие мысли о ситуации, в которой сейчас наш мир, и становится... страшно.

— Страшно, что это неправильно?

— Нет, не так, — Кейта отрицательно помахала головой.

— Наоборот, что это правильно, что это — настоящее. А в нашем мире все настоящее становится таким хрупким. Таким обреченным... Я постоянно прокручиваю в голове мысль, которой вовсе не должно быть в ней места. Что если это все часть чьего-то плана, чьей-то игры? И мы, будучи частью этой игры, подтолкнем наш мир к гибели...

Саян долго молчал, разглядывая свой наточенный батас.

— Знаешь, — сказал юноша наконец, — мой дед, когда учил меня точить ножи, говорил одну вещь. Неважно, кто выковал клинок, добрый кузнец или злой. Важно лишь то, в чьих он руках, и на что ты его направишь. На то, чтобы защитить или на то, чтобы убить. Я, конечно, далеко не спец, но, может, с чувствами так же? Какая разница, кто их «запустил», пророчество, духи или сам Эрлик? Важно лишь то, что вы с ними сделаете. Превратите их в слабость, которая вас погубит, или в силу, которая поможет победить?

Заметив, как Кейта погрузилась в какие-то глубокие размышления, Саян продолжил, повертев батас между пальцев:

— Знаешь, на что похожи люди, которых еще называют

«родственные души»?

— И на что же? — девушка заинтересованно подняла на него глаза.

— На двух кузнецов у одного горна. Один бьет молотом сверху, другой снизу, и из куска бесформенного железа рождается клинок. Красивый и смертельно опасный. Вот и вы так же, ваши души словно бьют в одну точку, и рожают нечто новое. Что-то, чего Эрлик боится до седины в висках. Если этот засранец вообще, конечно, может поседеть... — Саян помолчал, подбирая слова. — Я думаю, Эрлик умышленно заставляет тебя сомневаться. Точнее, я в этом уверен. Потому что он знает: пока вы с Инсином просто два сильных воина, то вы просто опасны. Но если вы станете одним целым, одним «клинком», вы будете для него непобедимы. Он пытается заставить тебя саму бросить свой молот. Чего ты, конечно, не сделаешь. Я-то тебя как облупленную знаю.

Кейта уже не могла сдерживать смех. Несмотря на всю серьезность разговора, Саян умудрялся поддерживать оптимистический настрой и веселить ее. Этого у парня было не отнять. А вот все ярче проявляющиеся мудрые нотки в его изречениях продолжали поражать девушку.

— Ты какой-то не в меру умный стал, Саян, — честно транслировала свои мысли удаганка, с саркастичной улыбкой, но юноше было чем «отбиваться» от очевидного подкола.

— Ага, — зевнул лесной шаман. — Это все от недосыпа.

Мозг начинает работать в аварийном режиме, все дела.

Хлопнув себя по коленям, Саян подскочил с места, потянувшись.

— Ладно, хорош штаны просиживать. Раз уж мы оба не спим, может, хоть делом займемся? Пойдем, проверим дозоры. А то наши охотники, как я заметил, чаще клюют носом в такое время, чем смотрят по сторонам.

— Пойдем, — одобрительно кивнув, Кейта встала рядом с ним. И они пошли вместе, плечом к плечу, по тропе, которая вела к восточному дозорному посту. Рядом с ними летали светлячки — крошечные духи, которые всегда сопровождали шаманов в ночном дозоре, освещая им путь. Лес вокруг крепко спал. В сумраке не слышались привычные голоса птиц, а воздух был наполнен свежим запахом хвои и оттаявшей за день земли. Тишину нарушал лишь хруст веток под ногами. Внезапно, прямо над их головами, пролетела и скрылась в густых кронах большая лесная сова, издав на прощание свое низкое гулкое «ух-ху». Саян остановился и, запрокинув голову, долго смотрел ей вслед. А потом, к удивлению Кейты, насмешливо фыркнул.

— Я уж думал, опять она! Тот северный дух. Знатно я тогда прифигел, когда она в наш лагерь влетела на всех парах.

— Не придумывай, Алани мне рассказывала, что был тогда серьезен, как никогда, — скромно улыбнувшись, ответила Кейта. — Даже раздумывать особо не стал, сразу рванул на север.

— Я переживал, вообще-то, — с некоторой толикой обиды в голосе, пробубнел шаман. Вслушиваясь в отдаленное уханье совы, Саян продолжил: — Но вообще, я сразу понял, что это не наши духи-иччи. Те — чересчур уж важные, с ними нужно договариваться, чтобы вообще заслужить право на диалог. А эта была совсем иная, словно сотканная из лунного света, и была стремительной, как мысль. Передала сообщение от Лины, и словно растворилась в воздухе.

— Удобно, наверное, когда такой гонец есть под рукой, — ответила Кейта, но юноша ее как-будто не слышал, продолжая свой монолог.

— Она потом рассказала, что это была Укко, ее дух-наставник. И что она может видеть этим духом, как своими глазами, за десятки лиг. Представляешь? Сидит себе в своей яранге, уплетает уху, а сама где-нибудь над нашей тайгой летает, шпионит поди.

— Ага, заняться ей вот больше нечем, — вновь попыталась вписаться в диалог удаганка, но это было гиблое дело. Уж слишком Саян погрузился в свои мысли.

— Эта Лина... конечно, колючая, как репей. И язвительная, как оса. А спорить с ней, все равно что пытаться переупрямить барана! Но есть вот в ней какой-то стержень. И сила. Эта северянка как айсберг, который лишь частично на поверхности, а вся его основная часть, скрытая от глаз, находится под толщей воды.

Кейта была и не против продолжать слушать не в меру

вдохновенного Саяна, но внезапно она положила руку ему на плечо, заставив того остановиться, выпадая из своей собственной реальности, и перевести на девушку удивленный взгляд. И вовсе не потому, что ей надоели эти хвалебные монологи, а потому, что впереди удаганка увидела нечто, заставившее ее серьезно насторожиться.

Глава 4. Лагерь беженцев

Когда Кейта и Саян уже подходили к окраине айыла, где тропа уходила в более густую часть леса, они увидели идущий им навстречу отряд. Впереди шагал хмурый, как грозовая туча, Каскил. А за ним, словно под конвоем, понуро плелись четверо незнакомых, потрепанного вида людей.

— Каскил? Что случилось? — спросила Кейта, опуская руку с плеча Саяна. — Кто эти люди и почему они здесь?

— Вот и я пытаюсь понять, балым, — прорычал охотник, его рука не отпускала рукоять батаса, висевшего на поясе. — Нашел их в полулиге отсюда, на границе нашей территории. Устроили себе лагерь, костер возле густой травы разожгли. Чуть весь лес не спалили, дикари!

Кейта перевела взгляд с разъяренного Каскила на людей позади него, и присмотрелась к незванным гостям. Двоих из них она вскоре узнала — это были нукеры из отряда Бату. Те самые, что выжили после битвы у дозорного поста. Сейчас, без своих доспехов, в простой одежде, они выглядели жалко и потерянно. А двое других были вовсе незнакомы девушке. Худые, изможденные, с выжженными солнцем и горем лицами, на которых запечатлелась застарелая усталость. Их одежда, хоть и была похожа на степную, но была сшита иначе, из другой ткани.

— Так, — Кейта сложила руки на груди, принимая вид

предводительницы, готовой к серьезному допросу. — Для начала мне бы хотелось выслушать вас.

Удаганка обращалась к знакомым лицам, которые, судя по всему, ее тоже довольно быстро узнали. Один из нукеров Бату, тот, что был постарше, шагнул вперед, низко склоняя голову.

— Мы больше не воины Бату-нойона, госпожа, — проговорил он хриплым и надломленным голосом. — После той битвы, и после того, что случилось в нашем улусе... Мы отказались от нашей тамги.

— Наш хан почти мертв, а наш улус захватила нечисть, — продолжил мысль первого второй «бывший нукер». — Мы не хотим служить Тьме и не хотим умирать за безумца. В степи нам больше нет места. Поэтому мы приняли решение уйти и жить под нейтральной тамгой, пока все не уляжется.

Кейта нахмурилась. Степной улус рассыпается на глазах? Люди сбегают и отказываются от своей тамги?

— А вы? — удаганка повернулась к двум другим. Нужна была более полная картина происходящего. Заговорил старший из них, пожилой, седобородый мужчина.

— А у нас нет дома уже много зим, — произнес он устало. — Наш небольшой улус на востоке был уничтожен Хулан-ханом еще в самом начале его завоеваний. С тех пор мы скитаемся нашей небольшой группой, ищем место, где можно просто жить, а не воевать. Мы слышали, что здесь, в лесу, живут мудрые правители, стремящиеся к мирной жизни. И

наш лагерь хотел бы просить у вас укрытия...

— Лагерь? То есть, вас там еще больше?! — хлопнув себя по лбу, и что-то причитая себе под нос, воскликнул Каскил. Бездомный старец посмотрел на Кейту с такой мольбой и надеждой, что у девушки сжалось сердце. Она молчала, пытаясь осознать всю абсурдность ситуации. Два дезертира из армии ее врага. И двое беженцев, пострадавших от этого же врага много лет назад. Все они, такие разные, встретились и...

— Прямо под нашим айылом, — Кейта медленно переводила взгляд с одного на другого, — вы организовали лагерь беженцев?

Удаганка была в полном смятении. Ее простой и понятный мир, где прежде были «свои» и «чужие», рушился на глазах. Каскил, стоявший рядом, был в ярости.

— Гнать в шею всех надо! — прорычал охотник. — Одни из них наши враги, другие вообще непонятно кто! Это может быть очередная уловка!

А Саян вообще ничего не понимал. Шаман смотрел то на степняков, то на Кейту, и на его лице была написана крайняя степень недоумения.

— То есть... — начал он медленно, пытаясь ухватить суть. — У нас тут под лагерем образовался небольшой смешанный улус? С представителями разных племен? Это что-то вроде... очень странного праздника урожая?

Ситуация была патовой. Прогнать людей значило обречь

на верную смерть от голода и холода. Оставить их, значит впустить в свой дом потенциальных шпионов и предателей, подвергнув свой и без того ослабленный народ смертельной опасности. Кейта посмотрела на этих четверых, на их испуганные, измученные, но полные надежды лица, и поняла, что у нее, как у предводительницы, снова нет простого и правильного решения.

— Ведите, — сказала Кейта после затяжной паузы, от чего Каскил тут же встрепенулся.

— Куда?! Предводительница, ты же не...

— Я сказала, ведите, — повторила девушка, глядя не на него, а на старшего из нукеров. — Я хочу видеть этот лагерь своими глазами.

Степняк, удивленный, но обрадованный тем, что их не собираются линчевать на месте, поспешно кивнул.

— Да, госпожа, конечно. Он совсем рядом, в низине у старого ручья.

— Саян, — Кейта повернулась к другу. — Возвращайся в айыл, приведи с собой Алани и еще пару охотников. Только не шумите особо, не нужно среди ночи поднимать весь лагерь на уши. Возьмите с собой еду, воду и лечебные травы, думаю, им это понадобится. И приходите в место, о котором сказал этот воин.

— А ты? — с тревогой спросил шаман.

— А я пойду с ними. И Каскил тоже.

Последний одним выражением лица показал, насколько

он не в восторге от этой идеи. Но спорить с дочерью верховного шамана сейчас он вообще смысла не видел. Путники направились по заданному маршруту, двое бывших воинов орды шли впереди, указывая дорогу. За незваными гостями, держа руку на рукояти батаса, шел мрачный Каскил, а замыкала эту странную процессию Кейта. Они шли недолго, всего около пятнадцати минут, но для Кейты это время было наполнено напряженным анализом. Она наблюдала за каждой мелочью: за тем, как степняки ориентируются в ее лесу, неуверенно, постоянно оглядываясь, боясь каждого шороха. И за тем, как беженцы с востока, наоборот, двигались легко, словно давно привыкли к жизни вдали от родных равнин. Наконец, все вышли на небольшую укромную поляну, спрятанную в низине у высохшего русла ручья. И здесь, в укромном уголке леса, раскинулся упомянутый этими людьми лагерь.

Зрелище было весьма жалкое. Никаких гэр или даже чумов, только лишь несколько наскоро сооруженных шалашей из веток и лапника, которые едва ли могли защитить от ночного холода. В центре дымил один-единственный, чадающий костер, вокруг которого, сбившись в кучу, сидели люди. Их было сравнительно не много, около двух десятков. В основном — женщины, старики и несколько совсем маленьких детей, закутанных в рваные и грязные одеяла. Мужчин боеспособного возраста, кроме этих четверых, которых удалось словить Каскилу, толком и не было. Все жители лагеря вы-

глядели изможденными, их лица были серыми от усталости и голода, а в глазах застыл один и тот же затравленный взгляд. При виде Кейты, Каскила и вооруженных степных дезертиров, хоть и идущих рядом с их людьми, женщины вскочили, прижимая к себе детей, готовые в любой момент бежать.

— Всем сохранять спокойствие! — громко заявил старший нукер. — С нами предводительница лесного народа. Она пришла поговорить.

Никто даже и не думал расслабляться. Беженцы смотрели на Кейту, на ее одежду и ее уверенную осанку, как на существо из другого мира. Удаганка медленно пошла по лагерю, сердце ее сжималось от увиденного. Она видела голодных детей, которые с жадностью грызли какие-то коренья. Видела старую женщину, которая, кашляя, пыталась перевязать рану на ноге юного паренька грязной тряпкой. Видела пустые котлы и полное отсутствие каких-либо припасов, кроме горстки собранных по лесу ягод. Это были не шпионы, не вражеский авангард, это были самые обычные люди. Сломленные, потерянные и отчаявшиеся, оказавшиеся между молотом войны и наковальней голода.

— И давно вы здесь? — спросила она, присаживаясь на камень рядом с пожилым восточником, который, казалось, был у них за главного.

— Третий день, госпожа. Мы встретили этих, — мужчина кивнул на нукеров, — около двух дней назад. Они шли из-за гор, сказали, что бросили свой дом. У них было немного

еды, которой они поделились с нами. И помогли построить вот это.

Пожилой восточник обвел рукой их жалкое пристанище.

— Мы не хотели вторгаться в ваши земли, нам лишь требовалось место, где можно переждать. И где есть вода и хоть какая-то дичь.

— Дичи здесь почти и нет, — вмешавшись, фыркнул Каскил, складывая руки на груди. — Вы распугали всех зверей своим костром и шумом.

— И за это тоже просим у вас прощения, — вздохнул старик. — Мы не умеем охотиться в лесу.

Кейта заприметила недалеко от себя женщину, которая лежала на каких-то ветхих тряпках, буквально на холодной земле, и мучительно стонала. Маленький мальчик прикладывал к ее лбу смоченную в воде тряпку, и что-то обеспокоенно спрашивал, хоть и та ничего внятного не отвечала. Удаганка практически нутром ощущала ее кут, бьющийся в агонии, словно птица в клетке.

— Она больна, — одними губами проговорила девушка. Тень состояния незнакомки упала на нее, отчего Кейта тут же почувствовала сильную жажду и озноб.

— Да, госпожа. Лихорадка, уже второй день, — опустив глаза, ответил старик. В этот момент Кейта всецело прочувствовала смысл слов, сказанных ее отцом. «Старый мир должен умереть». Действительно, мир, где люди делились на друзей и врагов, стремительно отходил на второй план, усту-

пая новому миру, рождение которого начиналось не с великих битв и подвигов, а с простого человеческого сострадания. Кейта просто никогда бы не простила себя, если бы бросила этих несчастных в таком состоянии.

Пока удаганка и охотник ходили по лагерю беженцев, и справлялись о состоянии людей, к ним из леса уже вышли Саян с подмогой — за юношей шла Алани и еще двое охотников с небольшими мешками, но доверху заполненными едой. Увидев лагерь, все замерли в изумлении.

— Великая Мать... — прошептал Саян, подходя к Кейте. — Да тут все хуже, чем я представлял. Что от нас требуется?

— Развести костер побольше, вон там, на участке со смятой травой. И накормить всех нуждающихся, — ответила удаганка, после чего повернулась к невысокой девушке. — Алани, а ты займись больной. Вы ведь взяли лечебные травы, надеюсь? Та женщина... ее состояние совсем дурное.

Каскил стоял, прислонившись к дереву на краю поляны, и с хмурым недоумением смотрел на разворачивающуюся перед ним картину. Его воинский инстинкт кричал, что это безумие. Пускать дезертиров к себе в тыл, кормить их, лечить... это было нарушением всех правил войны и безопасности! Но, глядя на Кейту, и на то, с какой спокойной уверенностью она руководит всем, охотник не мог ей перечить. Оставалось лишь доверить ее чутью и необъятному, как сама тайга, сердцу, в котором было место для всех страждущих.

Уже совсем скоро лагерь, еще час назад бывший тихим

и убогим, преобразился. Дозорные, пришедшие с Саяном, разожгли большой жаркий костер, который не чадил, а горел ровным пламенем, разгоняя не только мрак, но и сырость. Его теплый свет выхватывал из темноты отдельные сцены, похожие на ожившие картины. Вот сосредоточенная Алани опустилась на колени рядом с больной женщиной. Она не выглядела испуганной или растерянной, одно время девушка и вовсе хотела стать ученицей Илин и быть целительницей, но умение говорить с духами и эффективно использовать шаманские заклинания определили ее судьбу. Алани осторожно промывала воспаленную загноившуюся рану, которая явно была причиной сильной лихорадки, каким-то пахучим отваром, что-то тихо и успокаивающе шептала, и женщина, до этого стонавшая от боли, начала понемногу расслабляться. В другой стороне лагеря можно было увидеть Саяна, который сейчас превратился в главного распорядителя пира. С преувеличенно важным видом он раздавал голодным беженцам еду — свежеприготовленную горячую похлебку, лепешки, вяленое мясо. Шаман громко шутил, жестикулировал, и его неумная энергия заполняла все пространство, разгоняя страх и недоверие. Саян умудрился заставить улыбнуться даже самого угрюмого из бывших нукеров Бату, поспорив с ним, кто быстрее съест миску похлебки.

Еще недавно смотревшие на прибывших среди ночи лесных людей с ужасом, теперь жители лагеря с благодарностью принимали из их рук пищу, силы их стремительно вос-

становливались. Двое восточников, оказавшихся умелыми плотниками, уже показывали молодым охотникам, как правильно нужно связывать ветки, чтобы их шалаши не пропускали ветер. А бывшие воины орды, отложив оружие, помогали женщинам рубить дрова для костра. Вражда, недоверие, страх — все это медленно таяло в теплом свете костра, растворяясь в общем для всех желании. Жить. Часть людей, особенно дети, наевшись и согрившись, уже спали, свернувшись калачиком прямо на расстеленных у огня шкурах. Их лица во сне были безмятежны, и, глядя на них, Кейта чувствовала, что сделала свой самый правильный выбор. Когда первичный шок от ситуации отступил, и девушка ощутила сильную сонливость, она подошла к бревну, которое подтащили ближе к костру, усевшись на край. Но не успела она и выдохнуть с облегчением, как позади послышался голос.

— Спасибо, госпожа, — это был старший из бывших нукеров Бату. Вместе со своим младшим напарником, мужчина обошел бревно и уместился, с уважением и благодарностью взглянув на Кейту. — За то, что не прогнали с ваших земель, еще и накормили. Мы этого не заслужили.

— Заслуживает ли человек еды, решаю не я, а его голод, — спокойно ответила девушка. — Хотя, понимаю, после жизни под крылом Хулан-хана вообще можно позабыть и о таком понятии, как человечность.

При упоминании хана степняки понуро опустили плечи, что не скрылось от глаз Кейты.

— С ним... совсем все плохо?

— Он уже давно не приходил в себя, — ответил тот, что помоложе. — Практически с тех самых пор, как Бату-нойон напал на ваш айыл.

— Вы не подумайте, мы еще тогда поняли весь ужас этого мероприятия, и не принимали участие в схватке! — спохватился другой степняк, побоявшись ярости лесной шаманки, в чьей памяти разбудили не самые приятные воспоминания. — Бату-нойон... он всегда был похож на своего отца, но все же, настолько кровожадным я его раньше не видел. Похоже, он тоже попал в лапы Тьмы...

— Так и есть, — вздохнув, подтвердила его опасения Кейта. — Бату тоже стал марионеткой Эрлика. Люди, ослепленные жадной властью и наживы, всегда становятся его легкой жертвой.

— Страшно представить, что сам Владыка Нижнего мира сейчас где-то здесь, ходит по нашим землям, — встревожено обхватив себя руками, произнес юный степняк.

— Не ходит, — покачала головой удаганка, в моменте испытывав едва ощутимое спокойствие от этого осознания. — Он утратил возможность существовать в физической оболочке. Но это не повод расслабляться, этот мерзавец все еще может воздействовать на людей на ментальном уровне.

— Да куда уж нам тут расслабляться, — тяжело выдохнул старший, печально опуская глаза в отблики от костра на земле. Внезапно он встрепенулся, словно вспомнил о чем-то

важном. — Ох, за этим всем мы ведь даже не представились! Прошу извинить нас, госпожа. Меня зовут Хасар, а это — Джамуха.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась в ответ девушка. — Ну, обо мне вы, наверное, и так знаете. Я Кейта, дочь Алтана.

— О вас нынче только немой не говорит, Кейта-хотун, — неуверенно ответил Джамуха. — В наше время, когда вокруг творится такое безумие, вы одна из немногих, кто кажется настоящей. Единственный оплот адекватности во всей этой буре.

Удаганке было странно слышать такие слова от людей, которые еще совсем недавно готовы были сражаться с ней. Еще тогда, на границе, когда Бату взял в плен ее людей, отправившихся в степной улус в статусе гонцов с вестью. Но она видела, что Хасар и Джамуха искренни. Они были не просто дезертирами, а разочарованными воинами, потерявшими веру в своих командиров.

— Согласен, не то что наш былой горе-командир. До сих пор не могу поверить, что Бату-нойон это сделал, — сказал Хасар, качая головой. — Напасть на вас так, в открытую, еще и зная, что вы под защитой...

— Под защитой? — Кейта непонимающе вскинула бровь.

— Ну да, — пожав плечами, спокойно продолжил степняк. — Под защитой вашего отца, Алтана. И верховного шамана по совместительству. Мы ведь тогда, когда нойон по-

вел нас на шаманский айыл, сбежали и спрятались. Не знаю, что там происходило вне нашего поля зрения, но когда мы уже приняли решение не возвращаться в улус и отказаться от своей тамги, и искали в лесу место на ночлег, увидели, как Алтан-тойон несет на плече бесчувственного Бату-нойона.

— Ага, вы разве не взяли его в плен после его разгромного проигрыша? Мы порешали, что все произошло именно так, — изумленно хлопая глазами, поддакивал Джамуха. А Кейта ощущала, как что-то до боли омерзительное змеиным клубком сворачивается у нее под ребрами. Чувство тревоги. Весь мир, который только-только начал обретать хоть какую-то стабильность, снова накренился и поехал напрямик в пропасть. Бату в их айыле. Она-то думала, что этот степняк сбежал, что он сейчас где-то в улусе, собирает новую армию, а он все это время был здесь? Рядом? Под боком?! И отец ничего ей не сказал. Позволил Кейте думать, что враг далеко, в то время как он был прямо в их доме! Лицо удаганки сейчас выражало такую гамму эмоций, от шока и неверия до ледяной ярости, что Хасар и Джамуха испуганно сдвинулись в сторону.

— Госпожа? С вами все в порядке?

Кейта ничего не ответила, подскакивая на ноги. В голове у нее билась лишь одна мысль. Это какая-то очередная ловушка!

— Каскил! — крикнула шаманка, голос ее прозвучал, как удар хлыста. — Немедленно возвращаемся в айыл!

Нужно было спешить. Кейта не знала, что задумал ее отец, но знала одно. Держать в своем доме такого врага, как Бату, за ниточки которого дергает сам Эрлик, было все равно что спать в обнимку с шакалом. Рано или поздно он проснется и будет очень голоден.

— Саян, Алани! — Кейта резко повернулась к друзьям, которые с удивлением наблюдали за разворачивающейся сценой. — Вы пока остаетесь здесь, с беженцами. Но держите ухо востро, никому полностью не доверяйте. Я хочу, чтобы вы были моими глазами и ушами, пока меня нет. Поняли?

— А что случилось-то? — Саян сделал шаг к ней, его лицо было полно непонимания и тревоги. — Кейта, ты ведешь себя так, будто...

— Случилось то, что я слепая и доверчивая дура, — разочарованно отрезала девушка, всплеснув руками. — Я потом все объясню, поверьте мне. А сейчас, просто делайте, что я говорю.

Вывалив всю эту тираду, удаганка повернулась к молчаливо наблюдающему за ней Каскилу, бросила ему «идем», и направилась в лесную чащу. Охотник, хоть и не понимал причины такой отчаянной спешки, безмолвно последовал за предводительницей. Ярость, смешанная со страхом, придавала Кейте сил. Холодные ветки хлестали ее по лицу, но она не замечала боли. В ее голове билась лишь одна, пульсирующая мысль: «Как он мог?». Как ее собственный отец, ее опора, ее учитель, мог скрыть от нее такое? Держать Бату, их

злейшего и опасного врага, в нескольких шагах от их домов, от женщин и маленьких детей, и ничего ей не сказать! Позволить ей строить планы, рисковать собой, в то время как главная змея была прямо у них в айыле! Какие у Алтана могли быть на то причины? Доверие, которое она считала нерушимым, было готово рассыпаться в прах.

Они пробежали уже почти половину пути, когда на тропе, прямо перед ними, из-за поворота, вышла темная высокая фигура. Кейта и Каскил инстинктивно замерли, как два волка, учуявшие чужака. Сердце девушки ухнуло вниз. Неужели люди Бату? Засада?

— Кейта?

Этот голос, глубокий и встревоженный, она бы узнала из тысячи. Это был Инсин. Он, очевидно, тоже бежал, его дыхание было сбитым, а лицо в тусклом лунном свете, пробивавшемся сквозь кроны, было полно тревоги.

— Великое Небо, не пугай меня так больше, — выдохнул степной воин, останавливаясь перед ними.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Кейта, ее голос был резким от шока и остатков ярости, которые постепенно уходили на второй план.

— То же, что и ты, полагаю? Спешу на выручку, — ответил Инсин. — Я хотел проведать тебя, но твой балаган был пуст. Позже узнал от Ойгона, что ваши люди недавно собрали пищу и лекарства и отправились в некий «лагерь беженцев». Я испугался, что это какая-то ловушка.

«У Ойгона как обычно язык за зубами не держится» — сперва подумала Кейта, но намного сильнее ее зацепило последнее произнесенное юношей слово.

— Ловушка, — она горько, почти истерично рассмеялась. — Конечно! Только она оказалась совсем не там, где ее ожидали!

Удаганка подбежала к Инсину, ее глаза горели лихорадочным огнем.

— Он здесь, Инсиним! — с жаром выпалила она. — Твой брат, Бату! Он все это время был в нашем айыле! А мой отец... мой мудрый, честный отец знал и скрыл это от меня! Скрыл ото всех!

Кейта ожидала увидеть на лице степного воина такой же шок, такое же негодование, какое бурлило в ней самой. Но Инсин абсолютно не удивился услышанному. Он лишь тяжело вздохнул, а затем шагнул вперед, игнорируя гнев девушки и ошарашенно смотрящего на них Каскила, и крепко, успокаивающе обнял Кейту, прижимая к своей груди. Она на мгновение замерла, ошеломленная этим внезапным жестом, а затем ее тело, до этого напряженное, как натянутая тетива, бессильно обмякло. Удаганка уронила голову на плечо Инсина, и вся ее ярость и страх нашли выход, превратившись в один-единственный судорожный вздох.

— Я знаю, — сказал он тихо ей на ухо, приглаживая рукой темные волосы девушки, его голос и его тепло окутывали Кейту, как самый надежный щит.

— Что? — прошептала она, от растерянности не совсем понимая смысл услышанных слов.

— Алтан рассказал мне все, сегодня ночью. Практически сразу после Совета. — Инсин чуть отстранился, но не отпустил Кейту, бережно держа за плечи и заглядывая ей в глаза. — Не переживай. Я понимаю, почему ты злишься. Я бы и вовсе был в жуткой ярости на твоём месте. Но твой отец все держит под контролем, поверь мне. У тойона есть план. Хитрый, рискованный, но очень хороший план. И мой брат в нём — лишь приманка в ловушке, расставленной для Эрлика. А тебе он этого не рассказывает лишь потому, что лишним раз тревожить не хочет. Ты ведь и так столько всего пережила, Кейтам...

Степной воин мягко, большим пальцем, вытер с щеки удаганки грязный след, оставленный то ли слезой, то ли лесной веткой.

— Так что дыши давай. Вдох-выдох, — сказал он с легкой улыбкой. — Все хорошо, мы не в опасности. По крайней мере, не в той, о которой ты думаешь.

Кейта смотрела в глаза Инсина, на его мягкую улыбку, и чувствовала, как напряжение, сковывающее её, словно панцирь, медленно отпускает. Он был спокоен, а значит, ей тоже можно было успокоиться на этот счет. Девушка даже не успела заметить, как стала целиком и полностью доверять степному воину. И она, несмотря на свою обиду, продолжала доверять своему отцу.

— Расскажи лучше мне, что там за лагерь, — произнес Инсин мягко, позволяя Кейте снова упасть в его объятия. Успокаивающий низкий голос юноши был как бальзам на ее истерзанную душу. — Кто эти люди? Они не причинили тебе вреда?

Кейта открыла было рот, чтобы вывалить на него все разом: и про дезертиров, и про беженцев с востока, и про их жалкий быт, и про свое спонтанное решение им помочь. Но она осеклась. Девушка посмотрела на Инсина, на его встревоженное лицо, освещенное луной, на то, как он крепко, почти собственнически, держит ее, и в ее голове, уставшей от стратегий и планов, созрел совсем другой план. Кейта вдруг почувствовала себя невероятно, до дрожи в коленках, уставшей. И эта усталость была не наигранной. Долгий путь с севера, проведение Совета, бессонная ночь, шок от новостей о внезапно разросшемся под их айылом лагере и о старшем сыне хана — все это навалилось на нее разом. Кейта тяжело вздохнула и уронила голову на грудь Инсину.

— Расскажу, — пробормотала она сонным и слабым голосом. — Обязательно, когда мы вернемся в айыл. Я очень устала, Инсиним. Едва на ногах стою.

Девушка чуть пошатнулась, и степной воин тут же подхватил ее крепче, не давая упасть.

— Конечно, прости, — тут же откликнулся Инсин, в его голосе прозвучали нотки вины. — Тебе нужно отдохнуть.

Уткнувшись носом в широкую грудь юноши, Кейта улыб-

нулась уголками рта. Это была идеальная возможность не расставаться, остаться с ним до самого утра. Вместе, в безопасности. В его тепле.

— Каскил, — позвал Инсин охотника, который все это время тактично стоял поодаль, делая вид, что скрупулезно изучает кору дерева. — Возвращайся в тот лагерь, передай всем вашим, что у нас все в порядке. Предводительница со мной, и мы возвращаемся в айыл, про Бату пока никому ни слова. Оставайтесь там до утра, а там уже мы с Кейтой и Алтан-тойоном решим, что делать дальше.

— Я вам сегодня что, мальчик на побегушках?... Ладно уж, — всплеснул руками Каскил, и, бросив на них быстрый, понимающий взгляд, бесшумно растворился в ночном лесу. Юноша и девушка остались одни.

— Пойдем, — сказал Инсин, заботливо поправив запутавшуюся прядку волос шаманки. Юноша осторожно, поддерживая Кейту за талию, повел ее обратно по тропе в айыл. Удаганка шла, опираясь на него, и делала вид, что ей тяжело идти, хотя на самом деле ее сердце пело. Она не знала, работает ли ее план, может, Инсин просто проводит ее до ее балагана и уйдет. Но ей было все равно. Сейчас, в эту минуту, она была рядом с ним, чувствовала его сильное плечо, его руку на своей талии, и этого было достаточно. Все остальное могло подождать до утра.

Хотя бы до утра.

Глава 5. Заблудившиеся в темноте

Луна, выглянув сквозь редкие облака, залила поляну шаманского айыла серебристым светом. Инсин привел Кейту домой, но отвел девушку не к ее балагану, а к гостевому жилищу на краю поселения, которое теперь было его временным домом. Откинув тяжелый полог, юноша пропустил ее внутрь. Внутри было тепло. Угли в очаге еще тлели, а воздух был наполнен легким запахом дыма и незнакомым, едва уловимым ароматом степных трав, который исходил от его одежды.

— Садись, — сказал Инсин тихо. — Я сейчас разожгу огонь посильнее.

Степной воин предложил Кейте выпить воды из своего бурдюка, который лежал у входа. Девушка, сделав несколько глотков прохладной, чуть отдающей кожей воды, почти похозяйски опустила на его лежанку, на ворох мягких и теплых шкур. Она вытянула уставшие ноги и откинулась на подушку, закрыв глаза. «Вот бы сейчас никаких разговоров...» — пронеслось в голове удаганки. Ни о лагерях с голодными беженцами, ни о его брате-предателе, ни о ее отце и его не в меру хитроумных планах. Просто лежать вот так, в тишине, в тепле. Рядом с ним. Чувствовать присутствие Инсина, его спокойствие. Как тогда, далеко на севере...

Из этих мечтательных размышлений ее вывел голос юно-

ши.

— Тебе лучше?

Кейта открыла глаза. Инсин уже раздул угли, и оранжевые язычки пламени плясали в очаге, отбрасывая на стены и на его лицо подвижные тени. Он даже не сел рядом с ней, а взял небольшой, грубо вырезанный из пня табурет и поставил его в нескольких шагах от лежанки. Юноша смотрел на нее терпеливо, выжидаяще. Он ждал обещанного рассказа. Кейта мысленно вздохнула. Кажется, отдохнуть ей пока не удастся. Но Инсин спас ее от мнимой опасности в лесу, привел сюда, проявил заботу, и теперь он имел полное право знать, что заставило девушку так сорваться с места и броситься на помощь абсолютно незнакомым людям.

— Я встретила их, когда мы с Саяном пошли проверить дозоры, — начала Кейта, садясь и поджимая под себя ноги. Девушка закуталась в шкуру, словно в защитный кокон. — Каскил привел четверых людей. Слово за слово, мы оказались в их лагере, который даже таким словом назвать сложно. Это было просто место, где люди без тамги и без родного дома отчаянно боролись за выживание.

Кейта начала описывать ветхий, убогий лагерь, голодных детей, больных женщин. Она рассказала о двух бывших нукерах Бату, которые, по их словам, отказались от своей тамги и сбежали из степного улуса, а также о двух беженцах с востока, чей дом много лет назад сжег хан Хулан. Инсин в это же время внимательно слушал, не перебивая. Его лицо

было непроницаемым, лишь иногда в глубине глаз вспыхивали и гасли какие-то темные огоньки. Особенно, когда Кейта говорила о былых деяниях его отца.

— И ты решила помочь им всем? — сказал Инсин, когда девушка закончила свой рассказ.

— А у меня был выбор? — строго взглянув на юношу, Кейта пожала плечами. — Оставить их умирать в моем лесу? Мой народ так не поступает, даже с чужаками.

— Даже с теми, кто еще совсем недавно держал в руках меч, направленный против тебя?

— Особенно с ними, — твердо ответила удаганка. — Эти люди сделали свой выбор, они отказались от тьмы в своей душе. Разве не это — то, на что мы надеемся? Что и в вашем народе найдутся те, кто стремится к мирной жизни, а не бездумным кровопролитиям?

Инсин долго молчал, глядя в огонь.

— Ты поступила правильно, Кейтам, — сказал он наконец. — И очень смело. Как настоящая, мудрая предводительница.

— Я знаю, — кивнула девушка, довольная признанием ее правоты. — Ну, и вот я, наконец, узнаю от Хасара, что Бату в нашем айыле, что его после битвы с Эрликом забрал мой отец. В этот момент я не знала, что и думать! Мне казалось, что все вокруг сошли с ума, даже мой отец. Тогда я и побежала обратно в айыл, за ответами...

Настала очередь Инсина рассказывать. О ночном визите

к Алтану, после того, как юноша стал свидетелем предательства в айыле, об украденном поддельном талисмানে, о сложной и рискованной партии, которую решил разыграть отец Кейты. Девушка слушала его приоткрыв рот.

— Абаасы сиэтин... — тихо выругалась Кейта, у которой в голове не укладывалось услышанное. — Наша Ирена? И помогает этому Бату? Знаешь, мне все еще близка мысль, что все вокруг умом тронулись.

— Ты плохо знаешь моего брата, — тяжело выдохнул Инсин, подвигаясь на табурете. — Ради собственной выгоды он может так на уши присесть кому-либо, такие приторные речи задвигать, что тот человек за считанные минуты может попасть под его влияние. Особенно, если это такая юная, несмышленная девушка.

— Не надо называть Ирену несмышленной, — сдвинув брови к переносице, пробурчала Кейта. — Она очень талантливая целительница, сам ведь говоришь, любой мог бы стать жертвой обстоятельств. Я с ней поговорю обязательно.

— Нет, — строго ответил Инсин, наклонившись в сторону девушки. — Не сейчас. Иначе все планы Алтан-тойона пойдут прахом. Нам всем сейчас важно делать вид, что мы даже не догадываемся о планах этих двоих.

— Но почему? — непонимающе возмутилась удаганка, хлопнув ладонью по лежанке. — Разве не логично было бы предупредить ситуацию до ее возникновения? Почему мы должны ждать, пока твой братец и наша ученица доведут ее

до апогея!

— Не забывай, что самым важным звеном в этом плане является Эрлик, — шумно выдохнул Инсин, упершись локтями в колени. — Любое вмешательство в его собственный план спугнет злого духа, и твой отец не сможет расставить ловушку на него.

— Это ужасный план. Словно большая медвежья ловушка, только вместо куска мяса в ней — Бату и Ирена! И если насчет первого я не так уж и против, то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.